347
1847

Изданіе Ф. Павленкова.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

СЕРІЯ ВТОРАЯ:

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

ВИ193
Л847

№ 4.

ПРАВА ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА.

Съ 4-мя портретами.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВИ 193
Л 847

В. В. ЛУНКЕВИЧА.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1908.

Ex Libris Universitatis Albertensis

548

342
185

10598

347
1.85

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

18

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА

ВТОРАЯ СЕРІЯ:

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

347
Л 85
10598-9/6
при Доме ... библиот... имени Карла Анбке

№ 4.

ПРАВА ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА.

ВИ 193
Л 847

В. В. ЛУНКЕВИЧА.

Съ 4-мя портретами.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Ф. Павленкова.
1908.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. «Старый порядокъ» и Великая революція во Франціи 5

II. Провозглашеніе правъ человѣка и гражданина . . 13

III. Еще о «Деклараціи» 22

IV. Права женщины 33

V. Еще о Великой Революціи во Франціи 40

VI. «Заговоръ равныхъ» 47

VII. «Свобода, равенство и братство» 53

VIII. Заключеніе 60

НИИЭСКРАТИЗЕНН
8605

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

1587
П

ВИ193р
Л847

Библиотека
Института Ленина
при ЦК В.К.П.(б)

12719
26
108536 У

ПРАВА ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА.

I.

«Старый порядокъ» и великая революція во Франціи.

Въ 1789 г. во Франціи вспыхнуло возстаніе...

Французскій народъ могучею, грозною волною поднялся на своихъ правителей и знать, на вѣковыхъ притѣснителей своихъ.

Что же двинуло его на этотъ подвигъ? Противъ чего возсталъ онъ?

Возсталъ онъ противъ «старыхъ порядковъ» Франціи, противъ тѣхъ самыхъ порядковъ, которые держали въ нищетѣ и рабствѣ народѣ, и давали неограниченную волю надъ народомъ всѣмъ притѣснителямъ его.

Какіе же это были порядки?

Порядками ихъ назвать нельзя. Ибо, гдѣ порядокъ, тамъ царствуетъ законъ и справедливость. Здѣсь же царили *полный произволъ и беззаконіе*.

Во главѣ всей страны стоялъ «первый дворянинъ Франціи», король. Одинъ изъ такихъ королей, Людовикъ 14-й [1]), говорилъ: «Л'эта—с'э муа», то есть: «Государство—это я!» Да, оно такъ и было на самомъ дѣлѣ. Французскіе короли правили страной по собственному произволу. Каждое ихъ слово, каждое желаніе, каждая прихоть считались закономъ для всей страны. Всѣ остальные законы

[1]) Царствовалъ отъ 1638 до 1715 г.

существовали только для виду, и король могъ заводить, измѣнять и нарушать ихъ по собственной волѣ. Таково было одно изъ основныхъ началъ, на которыхъ держался «старый порядокъ» во Франціи. Но вотъ и другія.

Все населеніе Франціи дѣлилось на три сословія: *духовенство, дворянство* и, такъ называемое, «*третье сословіе*». Духовенство и дворянство считались *привилегированными*: у нихъ имѣлись такія права и преимущества, которыхъ у всего остального населенія не было.

Первымъ сословіемъ признавалось духовенство. Это было едва ли не самое богатое сословіе во всей странѣ. У него имѣлись обширныя земельныя владѣнія и даже собственная казна. Оно пользовалось большимъ почетомъ. Оно было освобождено отъ налоговъ, оно само облагало налогами народъ. Конечно, всѣми этими благами, какъ вездѣ, пользовалось высшее духовенство; а низшее духовенство, особенно сельское, наоборотъ, влачило жизнь свою въ бѣдностѣ, хотя и причислялось къ «первому сословію въ государствѣ».

За духовенствомъ слѣдовало *дворянство* — именитое, родовитое и помѣстное дворянство.

Французскіе короли постепенно отобрали у дворянъ ту власть, которою раньше дворяне пользовались въ государственныхъ дѣлахъ (въ управленіи страной и въ выработкѣ законовъ). Но, чтобы дворяне не чувствовали этой утраты, чтобы они жили въ мирѣ да въ ладу съ королемъ, ихъ всячески старались ублажить. Дворяне не вносили податей и налоговъ въ государственную казну; дворяне пользовались уваженіемъ и лаской при королевскомъ дворѣ; дворяне, — особенно изъ старыхъ, родовитыхъ домовъ,—получали доходныя мѣста и имѣли право, не въ примѣръ людямъ «низшаго сословія», занимать нѣкоторыя почетныя должности по военному и граждан-

скому вѣдомству; дворяне, наконецъ, чувствовали себя полными хозяевами въ своихъ помѣстьяхъ, и *никакая власть не вмѣшивалась въ ихъ отношенія съ крестьянами*: это давало крупнымъ землевладѣльцамъ (помѣщикамъ) право обирать и угнетать трудовой народъ безъ всякаго стѣсненія. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что къ тому времени, о которомъ я сейчасъ говорю, *мелкопомѣстное* дворянство, подобно низшему духовенству, не могло похвастаться достаткомъ: большая часть дворянскихъ имѣній стояла на пути къ полному разоренію.

Число «благородныхъ» было въ общемъ очень не велико: *около 270 тысячъ человѣкъ* (130 т. духовныхъ и 140 т. дворянъ) *на 25 милліоновъ населенія тогдашней Франціи*. Всѣ остальные относились къ «третьему сословію». «Благородные» называли ихъ съ презрѣніемъ «пахотниками», а то и просто «сволочью», по французски—«канайль».

«Третье сословіе» распадалось на два неодинаковыхъ по достатку класса людей: на буржуазію и трудовой народъ. Промышленники, фабриканты, купцы, заводчики, землевладѣльцы не-дворяне и деревенскіе кулаки, затѣмъ большая часть ученыхъ, адвокатовъ, врачей, писателей и чиновниковъ—все это были люди обезпеченные, а часто и богатые. Другая часть «третьяго сословія»—городскіе рабочіе и крестьянство находились въ очень печальномъ положеніи.

Все «третье сословіе» считалось податнымъ. Оно доставляло деньги въ государственную казну. Изъ него черпали свои доходы также церковь и дворянство, ибо среди людей «третьяго сословія» было не мало такихъ, которые, согласно изстари заведеннымъ во Франціи порядкамъ, были данниками и духовенства и дворянъ.

Особенно тяжела была при «старомъ порядкѣ» участь крестьянъ.

Во первыхъ, еще наканунѣ революціи, во Франціи существовали *крѣпостные крестьяне*: изъ всего числа крестьянъ (18 милліоновъ) крѣпостныхъ было около полутора милліона. Остальные, хотя по имени и считались свободными, но на самомъ дѣлѣ чувствовали себя не лучше крѣпостныхъ. Какія только повинности не лежали на душѣ несчастнаго французскаго крестьянина 18-го вѣка! Въ казну вносилъ онъ подати; духовенству обязанъ былъ давать «десятину», то есть десятую часть своего годового дохода; владѣльцамъ земли платилъ онъ аренду; но пуще всего доставалось ему отъ «сеньоровъ»—такъ назывались тогда землевладѣльцы-дворяне, по нашему, помѣщики—баре. «Сеньоръ» дралъ съ него за все: за право имѣть землю во владѣніяхъ сеньора, за право пользоваться водой, дорогами, мостами, рынками и т. д. «Сеньоръ» требовалъ, чтобы крестьянинъ мололъ свое зерно на барской мельницѣ, чтобы онъ пекъ свой хлѣбъ въ принадлежащей барину «общественной» печи, чтобы онъ давилъ свой виноградъ на «общественной», т. е. барской давильнѣ—да, требовалъ и бралъ за это съ него положенную самимъ бариномъ цѣну. «Сеньоръ» заставлялъ крестьянина отбывать барщину и сотню другихъ мелкихъ повинностей—вплоть до обязанности пугать по ночамъ лягушекъ на барскомъ пруду, чтобъ барину спалось, значитъ, слаще.

И въ довершеніе всѣхъ этихъ благъ «сеньорамъ» дано было еще одно право: они, и только они одни, имѣли право назначать полицію и судей для жителей своихъ владѣній. Ну, и понятно, что назначали они такихъ людей, которые всегда и во всемъ держали, разумѣется, сторону самихъ сеньоровъ, а не крестьянъ.

Таково было, въ общемъ, положеніе «третьяго», са-

маго многочисленнаго сословія во Франціи до революціи. Обязанностей и повинностей у него было много, а правъ — почти никакихъ. Правами пользовалась небольшая кучка людей «благороднаго сословія». Но и для нихъ—вѣрнѣе, для лучшихъ изъ нихъ — права эти были очень недостаточны.

Могъ ли французъ 18-го вѣка свободно исповѣдывать ту религію, которая больше всего ему по душѣ? Нѣтъ. Онъ долженъ былъ по закону быть католикомъ: люди иныхъ вѣроисповѣданій терпѣли униженія и подвергались гоненіямъ.

Могъ ли французъ кануна революціи свободно говорить, писать и печатать все, что онъ думалъ? Нѣтъ. За это онъ рисковалъ потерять имущество, попасть подъ судъ, угодить въ тюрьму, безъ всякаго суда и слѣдствія, по одному лишь слову короля и его вѣрныхъ чиновниковъ. Говорить и печатать полагалось лишь угодное королю и правительству. Всѣ сочиненія, въ которыхъ осуждались французскіе порядки, считались противозаконными: правительство отбирало у издателей такія сочиненія и сжигало ихъ рукою палача; а сами сочинители отдавались подъ судъ и цѣлыми годами томились въ тюрьмахъ.

Могъ ли французъ 18-го вѣка разсчитывать на уваженіе къ себѣ, какъ къ человѣку, на личную безопасность, на законное поведеніе властей, на справедливый, нелицепріятный судъ? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Надъ нимъ всѣ власти, начиная съ короля и кончая послѣднимъ интендантомъ (нѣчто въ родѣ нашихъ губернаторовъ), имѣли право издѣваться, по собственному усмотрѣнію, по личной прихоти. Его переписка, его жилище, его имущество, его свобода, наконецъ, самая жизнь его — все это было во власти короля и правительства. Обвинить чело-

вѣка, отдать его подъ судъ, засадить въ тюрьму, отправить на каторгу и даже на висилицу—ничего не стоило. Особенно отличались въ этихъ дѣлахъ интенданты, правители отдѣльныхъ провинцій (по нашему губерній); они вели себя здѣсь, какъ полновластные хозяева. Самовластіе и беззаконіе правительства шли рука объ руку съ безсовѣстнымъ, жестокимъ судомъ. «Обвиняемаго сажали въ одиночное заключеніе; ему не говорили, въ чемъ обвиняется онъ; его лишали совѣтовъ адвоката; его подвергали пыткѣ, если онъ не хотѣлъ признать себя виновнымъ; судъ надъ нимъ не былъ гласнымъ; приговоръ часто постановлялся безъ достаточныхъ основаній; казни отличались особенной жестокостью». Можно ли представить себѣ что-либо болѣе несправедливое и гнусное!

Сказалъ я немного. Но уже изъ того, что сказано, вамъ не трудно понять, къ чему сводился «старый порядокъ» во Франціи, на чемъ держался онъ.

Сводился онъ къ безграничной власти короля и знати — свѣтской и духовной — надъ всѣмъ остальнымъ французскимъ народомъ; а держался онъ на беззаконіи, на неравенствѣ подданныхъ, на рабствѣ народа. Не было тогда у французовъ ни вольностей, ни гражданскихъ правъ: *власть могла сдѣлать со всякимъ все, что ни вздумается ей; власть не позволяла никому вмѣшиваться въ управленіе страной.*

«Старый порядокъ» привелъ Францію къ разоренію, къ нищетѣ. Подати, налоги и пошлины истощали населеніе; а казна между тѣмъ пустовала: король и окружающая его придворная знать пускали ее очень быстро въ трубу. Земля, обремененная множествомъ разнообразныхъ повинностей, не могла ужъ прокормить крестьянина; и онъ бросалъ ее. Тысячи пашень пустовали, а народъ между тѣмъ умиралъ съ голоду. Крестьяне толпами

направлялись въ города, ища заработка, и часто, не найдя работы, бродяжничали, собирали на улицахъ милостыню, а то и разбойничали, когда не оставалось ничего больше дѣлать. Наплывъ свободныхъ рабочихъ рукъ изъ деревни въ городъ ухудшилъ положеніе городскихъ рабочихъ. Въ виду всеобщей бѣдности, скверно шли дѣла промышленниковъ, лавочниковъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ. Всѣхъ гнела нужда; всѣхъ душилъ правительственный произволъ. Недовольство росло. Терпѣнію приходилъ конецъ. И вдругъ... все, что накоплялось на душѣ вѣками, что ее томило, угнетало, мучило, оскорбляло и озлобляло, все это бурнымъ потокомъ вырвалось наружу—вырвалось и понеслось по всей странѣ, призывая угнетенныхъ къ свободѣ и счастью, а угнетателей къ суду и отвѣту...

Началась великая революція. Народъ поднялся противъ власти. Народъ хотѣлъ уничтоженія «старыхъ порядковъ». Народъ требовалъ для себя вольностей и гражданскихъ правъ.

17-го іюня 1789 г. «Національное Собраніе»—собраніе народныхъ избранниковъ—объявило, что отнынѣ уничтожается дѣленіе французскаго народа на три сословія и всѣ французы признаются равноправными гражданами.

23-го іюня на засѣданіе Національнаго Собранія явился король, Людовикъ 16-ый. По совѣту придворной клики король съ напускною строгостью сказалъ депутатамъ: «Я приказываю вамъ, господа, немедленно разойтись, а завтра утромъ собраться *каждому сословію въ отведенной для него палатѣ*». Депутаты отъ духовенства и дворянства поднялись со своихъ мѣстъ и вышли изъ Собранія вслѣдъ за королемъ. Депутаты отъ третьяго сословія не шелохнулись. —«Господа!—вы, вѣдь, слышали приказаніе короля!»—сказалъ одинъ изъ сановниковъ.

— «Мнѣ кажется, что собравшейся націи нельзя давать приказаній!»—возразилъ депутатъ де-Байльи. А другой депутатъ, Мирабо, поднялся съ мѣста и гордо заявилъ: — «Я объявляю вамъ, что если васъ уполномочили заставить насъ уйти отсюда, вы должны потребовать приказаній, чтобы употребить силу, *ибо мы оставимъ наши мѣста лишь подъ напоромъ штыковъ*»!.. И депутаты продолжали свои занятія...

Возбужденіе между тѣмъ росло. То тамъ, то здѣсь ужъ начинались волненія.

12-го іюля на улицахъ Парижа начались безпорядки.

13-го іюля возстаніе стало принимать болѣе грозный характеръ. Въ этотъ же день парижскіе граждане рѣшили собрать народную милицію въ 48 тысячъ человѣкъ.

14-го іюля громадная толпа народа напала на арсеналъ, захватила оттуда около 30 тысячъ ружей и двадцать пушекъ, и съ шумомъ и криками «да здравствуетъ свобода!» двинулась къ знаменитой парижской крѣпости-тюрьмѣ, къ Бастиліи, съ цѣлью завладѣть оружейнымъ складомъ ея. Толпу встрѣтили выстрѣлами. Она разсвирѣпѣла и бросилась на приступъ. Цѣлыхъ пять часовъ длился ужасный, кровавый бой. Толпа сражалась геройски. Много народу легло подъ стѣнами Бастиліи. Но, въ концѣ концовъ, Бастилія была взята. Заключенныхъ освободили. Крѣпость разрушили. Коменданта ея убили, а голову его, насаженную на пику, носили торжественно по улицамъ, какъ знакъ побѣды надъ «старымъ порядкомъ». — «Но вѣдь это *бунтъ*!» воскликнулъ король, Людовикъ 16-ый, узнавши о парижскихъ событіяхъ. — «Нѣтъ, государь,— отвѣтилъ ему одинъ изъ придворныхъ—это—*революція*!»

Да, это была уже настоящая революція. Вѣсть о взятіи Бастиліи и возстаніи въ Парижѣ мигомъ разнеслась по всей странѣ. Поднялись другіе города. Поднялось и крестьян-

ство во многихъ селахъ и деревняхъ. Крестьяне отказались платить подати, десятину и иные оброки. Они двинулись на замки, разрушали и громили ихъ, мѣстами совершали насилія надъ сеньорами...

А въ Парижѣ тѣмъ временемъ Національное Собраніе усиленно работало, уничтожая старые законы и замѣняя ихъ новыми болѣе справедливыми.

4-го августа засѣданіе Національнаго Собранія затянулось далеко за полночь. На этомъ засѣданіи были приняты многія изъ тѣхъ «новыхъ началъ», на которыхъ отнынѣ должна была держаться жизнь французскаго народа.

Въ октябрскіе дни 1789 года «старый порядокъ» во Франціи окончательно рухнулъ. Революція еще не кончилась. Она вспыхивала послѣ этого еще не разъ со страшной силой вплоть до 1795 года. Ужасы ея были еще впереди. Но объ этомъ не мѣсто говорить здѣсь...

II.

Провозглашеніе правъ человѣка и гражданина.

Итакъ, великая революція во Франціи разрушила «старый порядокъ» и положила начало новому, болѣе справедливому порядку въ жизни французскаго народа.

Основы новаго порядка были выработаны Учредительнымъ Собраніемъ. Они извѣстны подъ именемъ «*Декларація правъ человѣка и гражданина*» [1]).

Вотъ эта «Декларація» почти цѣликомъ. Она написана отъ имени «представителей французскаго народа», то есть членовъ Учредительнаго Собранія, и гласитъ слѣдующее:

---

[1]) Отъ французскаго слова «деклараціонъ», что значитъ—провозглашеніе или возвѣщеніе.

«Представители французскаго народа, принимая во вниманіе, что незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть единственныя причины общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ, рѣшили изложить въ торжественномъ объявленіи *естественныя*, *неотчуждаемыя* и *священныя права человѣка*, дабы объявленіе это непрерывно напоминало людямъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ...

Въ силу этого, Національное Собраніе признаетъ и объявляетъ, предъ лицомъ и подъ покровительствомъ Верховнаго Существа, слѣдующія права человѣка и гражданина:

1. Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ...

2. Цѣль всякаго политическаго союза [1]) есть сохраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, *собственность*, безопасность и сопротивленіе угнетенію.

3. Принципъ (начало) всякой верховной власти лежитъ по существу въ самой націи (въ народѣ).

Никакое учрежденіе, никакое лицо не можетъ осуществлять власти, которая не происходитъ прямо отъ націи (отъ всего народа).

4. Свобода состоитъ въ правѣ дѣлать все, что не вредитъ другому: такимъ образомъ, пользованіе каждаго человѣка его естественными правами не имѣетъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ за другими членами общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ.

5. Законъ можетъ запрещать лишь дѣйствія, вредныя для общества. Все что не воспрещено закономъ, дозволено, и никто не можетъ быть принужденъ къ тому, чего законъ не предписываетъ.

---

[1]) То есть государства.

6. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ представителей [1]) участвовать въ изданіи законовъ. *Законъ долженъ быть равный для всѣхъ; имѣетъ ли онъ цѣлью защиту или наказаніе.* Такъ какъ всѣ граждане передъ нимъ равны, то они должны быть одинаково допускаемы ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ по своимъ способностямъ и безъ иныхъ различій, кромѣ существующихъ въ ихъ добродѣтели и талантахъ.

7. Никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ или заключенъ иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, и по предписаннымъ имъ формамъ [2])...

8. Законъ долженъ устанавливать наказанія только очевидно необходимыя...

9. Такъ какъ каждый человѣкъ предполагается невиннымъ, пока его не объявятъ (на судѣ) виновнымъ, то, въ случаѣ необходимости его ареста, всякая строгость, которая не нужна для обезпеченія его личности, должна быть строго подавляема.

10. Никто не долженъ быть тревожимъ за свои мнѣнія, даже религіозныя, лишь бы ихъ выраженіе не нарушало общественнаго порядка, установленнаго закономъ.

11. Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка: каждый гражданинъ можетъ, слѣдовательно, свободно говорить, писать, печатать, подъ условіемъ, что онъ будетъ отвѣчать за злоупотребленія этою свободою въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ.

12. Для гарантіи (обезпеченія, защиты) правъ человѣка и гражданина нужна публичная сила [3]); такимъ

---

[1]) То есть своихъ избранниковъ.

[2]) То есть такъ, какъ это сказано въ законѣ.

[3]) То есть власть, утвержденная народомъ, обществомъ.

образомъ, *эта сила установлена для счастья всѣхъ, а не для частной выгоды тѣхъ, кому она ввѣрена.*

13. Для содержанія общественной силы и для расходовъ администраціи необходимо *общее обложеніе: налоги должны быть распредѣлены ровномѣрно между гражданами сообразно съ ихъ средствами.*

14. Всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ своихъ представителей (избранниковъ) опредѣлять необходимость общественныхъ налоговъ, *свободно на нихъ соглашаться, слѣдить за ихъ употребленіемъ*, устанавливать ихъ размѣръ, основанія раскладки, способъ взиманія и срокъ.

15. Общество имѣетъ право требовать отчетъ у каждаго публичнаго агента (т. е. чиновника) своей администраціи.

16. Каждое общество, въ которомъ не обезпечены права гражданъ и не установлено раздѣленіе властей, не имѣетъ конституціи, то есть не имѣетъ болѣе или менѣе справедливаго, основаннаго не на произволѣ, а на законахъ государственнаго порядка.

17. Такъ какъ собственность есть ненарушимое и священное право, то никто не можетъ быть лишаемъ собственности, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда этого требуетъ общественная надобность, законно засвидѣтельствованная, и подъ условіемъ справедливаго предварительнаго вознагражденія».

Вотъ и вся «Декларація». Не многорѣчива она, а между тѣмъ, какъ много въ ней сказано, совсѣмъ по поговоркѣ: «словамъ тѣсно, мыслямъ просторно». Разберемся же въ ней толкомъ, чтобы ясно уразумѣть, въ чемъ заключается то новое, что принесла съ собой французскому народу великая революція.

«*Люди рождаются и остаются свободными*»: Такъ сказано въ самомъ началѣ «Декларації».

Да, *нѣтъ рабовъ, нѣтъ подданныхъ отъ рожденія.* Человѣкъ — существо свободное, и *никто, никакая власть не смѣетъ дѣлать изъ него раба, безсловеснаго, покорнаго.*

Что же значитъ быть свободнымъ? Это значитъ *имѣть право дѣлать, думать, говорить, писать и печатать все, что не вредитъ другимъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и всему обществу, вмѣстѣ взятому* (4, 5, 10, 11).

Всѣ люди должны быть свободными. А разъ люди живутъ не въ одиночку, не по отдѣльности на необитаемыхъ островахъ, а обществомъ, то *свобода всѣхъ людей* возможна лишь тогда, когда свобода каждаго изъ нихъ не нарушаетъ свободу другихъ, не приноситъ вреда другимъ, не мѣшаетъ имъ, въ свою очередь, свободно дѣйствовать, свободно думать, свободно высказывать, писать и печатать свои мысли. Стало быть, *свобода не есть своеволіе*, и во зло употреблять свою свободу никто—какъ бы онъ не величался—не имѣетъ права.

Если человѣкъ—существо свободное, то, стало быть, нельзя обращаться съ нимъ, какъ съ вещью. *Личность* его должна считаться *неприкосновенной.* Говоря иначе, нельзя человѣка обвинять и отдавать подъ судъ, не имѣя для этого разумныхъ основаній; нельзя его взять подъ арестъ или засадить въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока судъ, основанный на справедливыхъ законахъ, не признаетъ, что онъ дѣйствительно нарушилъ права другого человѣка или причинилъ дѣйствительный вредъ обществу (7).

Таковы права *человѣка.* Однако всякій человѣкъ есть въ то-же время и *гражданинъ*, то есть *членъ общества, членъ государства.* Въ качествѣ гражданина, онъ имѣетъ особыя права, которыя такъ и называются—*правами гражданина.* Прежде всего во всякомъ справедливомъ государствѣ всѣ граждане должны быть равны, всѣ должны

Библиотека Ленина 98532

имѣть одинаковыя права. Это то и было сказано въ первомъ пунктѣ «Деклараціи» словами: «Люди рождаются и остаются... равными въ правахъ (1)». Какъ слѣдуетъ понимать эти слова?

Чтобы жить въ обществѣ и пользоваться своей свободой, не нарушая свободы другихъ и не причиняя этому обществу вреда, необходимо подчиняться тѣмъ или инымъ порядкамъ, необходимо исполнять тѣ или иные *законы*. Мы сказали, что всякій человѣкъ свободенъ дѣлать, говорить, писать и печатать все, *что не вредитъ другимъ*. Но, спрашивается, кто устанавливаетъ — гдѣ кончается свобода и начинается злоупотребленіе свободой во вредъ другому? Кто устанавливаетъ, что можно дѣлать и чего не слѣдуетъ дѣлать, чтобы не вредить другимъ людямъ? Это устанавливаетъ законъ. А законы кто устанавливаетъ? Король? Министры? Власти? Нѣтъ. Въ «Деклараціи» сказано: «Законъ есть выраженіе общей воли. *Всѣ граждане* имѣютъ право лично или черезъ представителей (своихъ избранниковъ) участвовать въ изданіи законовъ» (6). Понимать же это нужно вотъ какъ.

Всѣ граждане добровольно, по собственному желанію и разумѣнію, устанавливаютъ тѣ законы, которымъ долженъ подчиняться всякій членъ государства, кто-бъ ни былъ онъ: сановникъ иль сапожникъ, штатскій или военный, свѣтское или духовное лицо, дворянинъ или крестьянинъ. «Законъ долженъ быть равный для всѣхъ, имѣетъ ли онъ цѣлью защиту или наказаніе» (6).

Итакъ, *первое право гражданина состоитъ въ томъ, что онъ самъ, вмѣстѣ со всѣми остальными гражданами, вырабатываетъ и утверждаетъ тѣ законы, на которыхъ держатся общество и государство.* Можетъ дѣло сложиться и такъ, что граждане довѣрятъ это свое

право составлять и утверждать законы своимъ избранникамъ. Но это ужъ ихъ собственное дѣло, и никто тутъ имъ не указчикъ.

Законы нужно проводить въ жизнь и примѣнять къ жизни. То есть, нужны люди, которые строго слѣдили бы, чтобы всѣ граждане исполняли законы, не нарушали бы чужой свободы и чужихъ правъ. Для этого нужна власть. Но какая власть? Власть, избранная и утвержденная самими гражданами, всей націей, всѣмъ народомъ. Вотъ это то и означаютъ слова «Декларації»: «Никакое учрежденіе, никакое лицо не можетъ осуществить власти, не происходящей прямо отъ націи» (3).

Итакъ, *второе право гражданина сводится къ тому, что онъ самъ выбираетъ и утверждаетъ правителей.* Дѣлаетъ онъ это по доброй волѣ, по собственному желанію и разумѣнію. А потому незаконно всякое правительство, которое держится не волею народа, а насиліемъ; не законна всякая власть, которая существуетъ не для «счастья всѣхъ, а для частной выгоды тѣхъ, кому она ввѣрена» (12).

Назначивши правительство, *граждане имѣютъ право— и въ этомъ ихъ третье священное, неотъемлемое право!— слѣдить за тѣмъ, чтобы власти строго, по закону исполняли возложенныя на нихъ обязанности*; граждане «имѣютъ право требовать отчета у каждаго публичнаго агента своей администраціи» (15), имѣютъ право отдавать подъ судъ и наказывать всѣхъ тѣхъ, кто «исполняетъ или заставляетъ исполнять произвольныя (незаконныя) повелѣнія» (7).

Для нуждъ государства и для того, чтобъ содержать правительство, необходимы деньги. Деньги эти составляются изъ налоговъ съ гражданъ. Справедливость требуетъ, чтобы налоги были «распредѣлены равномѣрно между граж-

данами, сообразно съ ихъ средствами» (13). Но спрашивается: кто долженъ завѣдовать этимъ дѣломъ? На этотъ вопросъ также имѣется точный отвѣтъ въ «Декларацiи». Тамъ прямо сказано, что граждане или сами лично или черезъ своихъ избранниковъ имѣютъ право рѣшить, сколько съ кого нужно брать налогу и какъ, да на что налоги должны тратиться (14). Стало быть, *назначать налоги и распредѣлять ихъ на общественныя нужды—это четвертое неотъемлемое право гражданина.*

Я нарочно отложилъ на конецъ рѣчь еще объ одномъ правѣ человѣка, о которомъ упоминается въ «Декларацiи». Напомню, въ чемъ это право. «Собственность—неприкосновенное и священное право; никто не можетъ быть лишенъ этого права...» (17).

Сейчасъ многіе не признаютъ этого требованія «Декларацiи». И вотъ, какъ объясняютъ они — почему не признаютъ:

Есть, говорятъ они, двоякаго рода право собственности. Одно — право на *предметы личнаго потребленія*; другое—право *на орудія и средства производства*. Каждый человѣкъ можетъ быть неограниченнымъ собственникомъ всѣхъ предметовъ, *необходимыхъ* для удовлетворенія его душевныхъ и тѣлесныхъ потребностей: это его «священное» право, и *такая* собственность неприкосновенна. Но орудія и средства производства — земли, фабрики, заводы, промысла, машины, крупные денежные капиталы—не могутъ быть частною собственностью отдѣльныхъ лицъ: все это создано трудами крестьянскихъ и рабочихъ рукъ, куплено цѣною нищеты трудового народа; и потому все это должно быть достояніемъ всего общества, а не отдѣльныхъ собственниковъ—землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, купцовъ, банкировъ и т. д.

Такъ разсуждаютъ тѣ, кто думаетъ, что *не всякая*

собственность «священна и неприкосновенна», кто знаетъ, что есть собственность, добытая несправедливыми, нечистыми путями.

Однако революціонеры 1789 года смотрѣли на дѣло иначе; и я сейчасъ объясню, почему они сочли нужнымъ такъ горячо отстаивать право собственности. Во первыхъ, потому, что среди нихъ было немало крупныхъ собственниковъ, которымъ, конечно, не охота было разставаться со своимъ добромъ. Но тутъ была и другая, болѣе важная, причина. А именно: имъ хотѣлось оградить французскихъ гражданъ на будущее время отъ тѣхъ несправедливостей, которыя творились въ старой, дореволюціонной Франціи. Вѣдь, при «старыхъ порядкахъ» во Франціи и короли и иныя власти распоряжались имуществомъ французовъ такъ, какъ будто это было не чужое, а ихъ собственное имущество. Послушайте, напримѣръ, какой наказъ давалъ французскій король, Людовикъ 14 своему сыну—наслѣднику престола. Онъ писалъ: «*Монархи* суть неограниченные властители и естественно *обладаютъ правомъ полно и свободно распоряжаться всѣми имуществами своихъ подданныхъ*». Такъ понималъ свое право самъ король; а назначенные имъ чиновники старались ужъ во всемъ слѣдовать примѣру своего владыки. Вотъ составители «Декларацiи» и позаботились о томъ, чтобъ уберечь французскихъ гражданъ на будущее время отъ такого порядка. Отсюда и семнадцатая статья «Декларацiи», гласящая, что собственность священна, и никто не имѣетъ права трогать ее...

III.

Еще о «Декларацiи».

Мы теперь знаемъ, какихъ именно правъ добивался французскій народъ, поднявшійся въ 1789 году грозною волною противъ «стараго порядка».

Онъ находился всецѣло подъ властью королей и придворной знати; онъ былъ въ зависимости отъ дворянъ и духовенства; онъ не имѣлъ права самостоятельно управлять своими хозяйственными и общественными дѣлами; онъ долженъ былъ и дѣйствовать, и вѣровать, и мыслить, и высказывать свои мысли не по собственному желанію и разумѣнію, а согласно волѣ и предначертаніямъ людей, власть имущихъ. Все это превращало его изъ человѣка въ раба, изъ гражданина въ вѣрноподданнаго.

И вотъ онъ поднялся на борьбу за свои попранныя *человѣческія и гражданскія права*. И когда побѣдилъ, то возвѣстилъ на весь міръ, чего онъ добивался.

Ему нужно было избавиться отъ неограниченнаго произвола и онъ сказалъ: *Всякая власть должна исходить отъ самого народа, должна осуществлять волю его.*

Ему нужно было самому взяться за хозяйственныя и общественныя дѣла государства, и онъ сказалъ: *Всѣ граждане имѣютъ право принимать участіе въ составленіи законовъ и слѣдить за справедливымъ исполненіемъ ихъ.*

Ему нужно было освободиться отъ опеки самозванныхъ нянюшекъ, слѣдившихъ, какъ псы сторожевые, за его поведеніемъ и мыслями, и онъ сказалъ: *Всякъ воленъ свободно дѣйствовать, вѣровать, мыслить, и высказывать свои мысли, лишь бы это не нарушало такой же свободы другихъ.*

Въ концѣ этой книжки я скажу, какой классъ французскаго народа воспользовался больше всего тѣми новыми порядками, которые были созданы великою революціей. Теперь же мнѣ хочется показать вамъ, откуда взялись и какъ развились въ головахъ «лучшихъ людей» французской революціи тѣ мысли, которыя они послѣ первой побѣды надъ правительствомъ, изложили въ «Декларацiи».

Тутъ прежде всего сказалось вліяніе знаменитыхъ французскихъ писателей, среди которыхъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить *Монтескье и Жанъ-Жака-Руссо*. Это, можно сказать, учителя борцовъ за право и свободу во Франціи. Ихъ сочиненія служили настольными книгами для образованныхъ людей 18 вѣка не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ. Вотъ изъ этихъ-то сочиненій—*особенно изъ сочиненій Руссо*—дѣятели великой революціи почерпнули многія изъ тѣхъ мыслей, которыя затѣмъ были кратко изложены въ «Декларацiи правъ человѣка и гражданина».

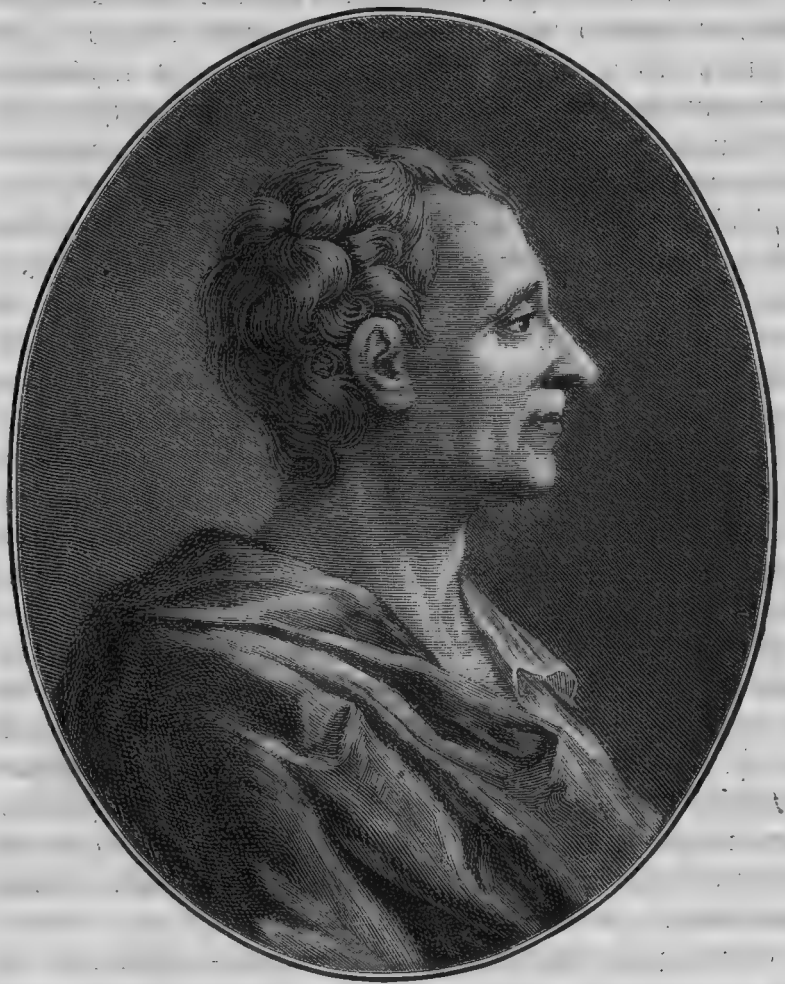
Начнемъ съ Монтескье (род. въ 1689 г., ум. въ 1755 г.).

Тридцати двухъ лѣтъ отъ роду онъ написалъ замѣчательную книгу—«Персидскія письма». Книга эта состоитъ изъ ряда писемъ; а письма составлены такъ, какъ будто ихъ не самъ Монтескье сочинялъ, а писали какіе то путешественники, заѣхавшіе случайно въ Европу посмотрѣть, какіе въ ней порядки, какъ идетъ общественная и государственная жизнь. Заѣхали они и во Францію, а потомъ будто описали всё, что въ ней видѣли. Описаніе же вышло такое, что получилась злая, ядовитая насмѣшка (сатира) на французскіе общественные и государственные порядки, на нравы и образъ жизни французской знати 18-го вѣка. Въ одномъ изъ писемъ сказано, что въ Европѣ короли «обладаютъ такою властью, *какой сами захотятъ*», то есть правятъ страной самовластно, не по закону, а по

произволу. А про французскаго короля говорится такъ: «Французскій король—это искусный чародѣй: онъ властвуетъ даже надъ умами своихъ подданныхъ и *заставляетъ ихъ думать все, что ему угодно.* Онъ увѣрилъ ихъ даже въ томъ, что однимъ своимъ прикосновеніемъ можетъ излѣчить ихъ отъ всевозможныхъ болѣзней, до такой степени сильна его власть надъ всѣми умами». Въ этихъ словахъ немного, кажется, сказано. А между тѣмъ уже по нимъ можно судить, въ какомъ рабскомъ положеніи были французы до революціи, и какъ много власти взяли надъ ними ихъ короли.

Изъ «Персидскихъ писемъ» видно, что Монтескье осуждалъ французскіе порядки, считалъ ихъ жестокими и несправедливыми для народа. Какіе-жъ порядки онъ одобрялъ? Что признавалъ справедливымъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ другой книжкѣ Монтескье, которая носитъ названіе «Духъ законовъ». Въ этой книгѣ Монтескье объясняетъ, какъ должно быть устроено государство и каковы должны быть законы этого государства, чтобы жизнь людей текла разумно и справедливо. Многое изъ того, что писалъ тогда Монтескье, оказалось и неправильнымъ и несправедливымъ. Онъ, напримѣръ, думалъ, что только въ такихъ государствахъ жизнь будетъ идти разумно и справедливо, въ которыхъ власть дѣлится между народомъ и монархомъ: населеніе, при помощи своихъ избранниковъ, вырабатываетъ законы, а монархъ (король, императоръ), во-первыхъ, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы законы составлялись правильно, а во-вторыхъ, проводитъ самъ, своею волей, эти законы въ жизнь. Затѣмъ, Монтескье полагалъ, что нельзя уравнять въ правахъ всѣ сословія; нельзя, напримѣръ, чтобы крестьяне пользовались такими же правами, какъ и дворяне, и нельзя возлагать на дворянъ тѣ же повинности, которыя возложены на

крестьянъ. Мы знаемъ, что все это вовсе не такъ. Мы знаемъ что дѣленіе людей на бѣлую и черную кость,



Монтескье.

на «знать» и «чернь» — вещь устарѣлая; ни одного разумнаго человѣка теперь не разувѣришь въ томъ, что *всѣ люди — люди, и что цѣнить ихъ нужно*

не по одеждѣ да происхожденію, а по уму и дѣламъ ихъ.

Однако, повторяю: пусть многія мысли Монтескье устарѣли для нашего времени—не это важно. Важно то, что въ книгѣ его о «Духѣ законовъ» есть мысли глубокія и справедливыя: эти то мысли и сослужили великую службу борцамъ за право и свободу во Франціи; не мѣшаетъ познакомиться съ ними и намъ.

Какія-жъ это мысли? Кратко ихъ можно выразить такъ: 1) Человѣка никто—ни власть, ни другой какой либо человѣкъ—не долженъ стѣснять въ его *личныхъ дѣлахъ*. 2) Гражданинъ—на то и гражданинъ, чтобы *имѣть право* совмѣстно съ другими гражданами *устанавливать* тѣ *законы*, согласно которымъ должна идти жизнь въ государствѣ. 3) *Власти* на то и существуютъ, чтобы *заботиться* о справедливыхъ *нуждахъ гражданъ и защищать ихъ права*.

Вы видите, что по существу всё это—тѣ самыя мысли, которыя были положены въ основу «Декларацiи правъ человѣка и гражданина».

Но спрашивается: какъ устроить, чтобы власти правильно и честно исполняли свое назначеніе? Каковы должны быть эти власти и какъ должны онѣ относиться другъ къ другу? Этимъ вопросамъ Монтескье удѣлилъ большое вниманіе. Онъ говорилъ, что во всякомъ правильно устроенномъ государствѣ должна быть троякаго рода власть: *власть законодательная, власть судебная и власть исполнительная*.

«Слѣдовало бы—пишетъ Монтескье,—чтобы весь народъ въ полномъ своемъ составѣ обладалъ законодательною властью; но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ, а въ маленькихъ сопряжено со множествомъ неудобствъ, то нужно, чтобы *народъ при посредствѣ своихъ представителей дѣлалъ то*, чего самъ

дѣлать не въ состояніи». Значитъ: законы должны составлять *избранники народа*, а не назначенные королемъ сановники и чиновники. Избранники народа, вмѣстѣ взятые, и образуютъ то, что называется *законодательною властью.*

Что-жъ дѣлаетъ *судебная власть*? Она слѣдитъ, чтобы граждане и чиновники строго исполняли законы, установленные собраніемъ народныхъ представителей — слѣдитъ и приговариваетъ къ наказанію нарушителей закона. Судьями, по мысли Монтескье, должны быть не чиновники, а присяжные засѣдатели. Судебная власть, говоритъ онъ, «должна находиться въ рукахъ людей взятыхъ изъ среды народа... Нужно даже, чтобы въ случаѣ особенно важныхъ обвиненій, обвиняемый самъ выбиралъ своихъ судей».

А *исполнительная власть*? Чѣмъ занята она? Ея дѣло—приводить въ исполненіе тѣ законы, которые установлены собраніемъ народныхъ представителей; ея обязанность—заводить тѣ самые порядки, которые считаетъ нужнымъ завести для блага общества власть законодательная. Во главѣ исполнительной власти Монтескье ставитъ монарха: я ужъ говорилъ, что, по его мнѣнію, безъ монарха никакъ обойтись невозможно.

Вотъ что однако особенно важно во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Монтескье. Онъ доказывалъ, что всѣ три власти — законодательная, судебная и исполнительная — должны существовать отдѣльно; онъ утверждалъ, что каждая изъ этихъ властей должна дѣйствовать, по возможности, самостоятельно, не вмѣшиваясь въ дѣла двухъ другихъ властей, но въ полномъ согласіи съ ними; онъ говорилъ, что, для пользы общества, необходимо поставить дѣло такъ, чтобы законодательная власть находилась въ рукахъ одного учрежденія (или лица), судебная—въ ру-

кахъ другого, а исполнительная — третьяго: только при такихъ условіяхъ, говорилъ Монтескье, будетъ обезпечена свобода гражданъ.

Несправедливо и очень опасно для свободы гражданъ, когда одно и тоже лицо (или учрежденіе) получаетъ право и законы составлять, и проводить эти законы въ жизнь и судить гражданъ за неисполненіе ихъ. Вѣдь, такой человѣкъ (или учрежденіе) можетъ на каждомъ шагу злоупотреблять своимъ правомъ. Что ему стоитъ, въ самомъ дѣлѣ, издать несправедливый законъ, чтобы потомъ притѣснять людей по этому закону въ свою пользу — и не только притѣснять, но и наказывать ихъ по суду, ибо, вѣдь, и судебное дѣло также находится въ его рукахъ? Вотъ почему Монтескье такъ настойчиво доказывалъ, что *раздѣленіе властей* необходимо для блага самихъ гражданъ. И, если помните, эта мысль о раздѣленіи властей была положена въ основу «Декларації правъ человѣка и гражданина». Тамъ прямо сказано: «Каждое общество, въ которомъ не установлено раздѣленія властей, не имѣетъ конституціи» (16), то есть держится на безправіи гражданъ и на произволѣ властей.

Другой изъ названныхъ мной выше писателей, Жанъ-Жакъ-Руссо [1]), имѣлъ на дѣятелей французской революціи несравненно больше вліянія, чѣмъ Монтескье. Да и понятно, почему. У Монтескье былъ умъ холодный и спокойный. У Руссо, наоборотъ,—душа пламенная. Монтескье все взвѣшиваетъ да вымѣриваетъ, какъ бы чего лишняго не сказать. Руссо — негодуетъ, возмущается неправдою жизни, страдаетъ страданіями своего народа. Монтескье хочетъ *исправить* старое, поставивши его на болѣе справедливыхъ началахъ. Руссо, наоборотъ, стремится *уни-*

[1]) Руссо родился въ 1712 году и умеръ въ 1778 году.

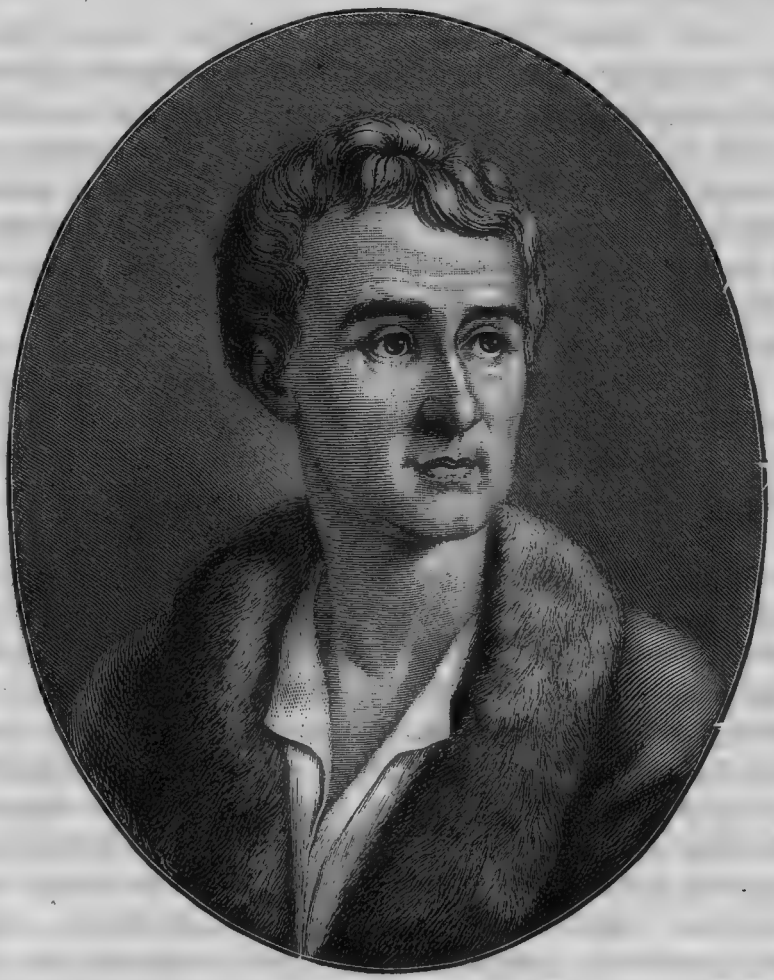
чтожить съ корнемъ старое и заново перестроить всю человѣческую жизнь. Монтескье — дворянинъ и представитель знати, а потому стоитъ за сохраненіе различныхъ привилегій (преимуществъ) знати. Руссо — самъ выходецъ изъ-народа, и потому отстаиваетъ горячо интересы трудового народа. Монтескье — сторонникъ *ограниченной монархіи*: онъ заботится лишь объ *уменьшеніи* правъ короля и объ *увеличеніи* правъ гражданъ. Руссо—завзятый республиканецъ, апостолъ свободы и равенства людей: онъ хочетъ чтобы страной управляли не монархи, а самъ народъ, онъ стоитъ за народную волю, за *самодержавіе народа*. Монтескье, наконецъ, пишетъ сухо, безъ увлеченія, какъ будто задачу ариѳметическую рѣшаетъ. Руссо, наоборотъ, пишетъ горячо, увлекательно, самъ воспламеняется и другихъ воспламеняетъ. Разница между этими двумя великими людьми Франціи, какъ видите, громадная; такъ что и въ самомъ дѣлѣ неудивительно, что образованные французы 18-го вѣка прислушивались къ вдохновенному слову Руссо несравненно больше, чѣмъ къ размѣреннымъ, хотя и безспорно умнымъ рѣчамъ Монтескье.

Изъ сочиненій Руссо особенной славой и по сей еще день пользуются слѣдующія: «Эмиль или о воспитаніи», «Разсужденіе о происхожденіи неравенства между людьми», и, наконецъ, сочиненіе «Объ общественномъ договорѣ». У кого есть охота, тотъ можетъ и самъ прочитать эти книги. Не мало тутъ найдется ошибочныхъ, а то и просто вздорныхъ мыслей. Но не въ нихъ — сила Руссо. А въ чемъ же она? Попробую отвѣтить на это словами самого французскаго философа.

Онъ говоритъ: «Человѣкъ родился свободнымъ, и вездѣ онъ въ цѣпяхъ». Почему же? А потому, что устройство нашего общества въ корнѣ ложно, потому что наша государственная жизнь держится на несправедливыхъ за-

конахъ: эти законы «безвозвратно уничтожили естественную свободу человѣка», «установили навсегда право собственности и неравенство межъ людьми», «навѣки подчинили родъ человѣческій труду, рабству и нищетѣ, ради выгоды нѣсколькихъ честолюбцевъ». «Народы—заявляетъ Руссо въ другомъ мѣстѣ—поставили надъ собой начальниковъ для охраны своей свободы, а не для своего порабощенія». «Законамъ природы противорѣчитъ такое состояніе, при которомъ... глупецъ управляетъ мудрыми, и небольшая часть людей утопаетъ въ изобиліи, когда голодная масса нуждается въ самомъ необходимомъ». Какъ же избавиться отъ такого ужаснаго зла? Для этого нужно, чтобы народъ взялъ въ собственныя руки свою судьбу, самъ всегда управлялъ своими дѣлами и проявлялъ свою волю. Этой воли нельзя ни передать кому нибудь, ни раздѣлить съ кѣмъ бы то ни-было: иначе, взявшій въ свои руки власть надъ народомъ, поработитъ его. Общая же воля всего народа «всегда права и постоянно стремится къ общественной пользѣ». «Народъ, по словамъ Руссо, всегда желаетъ собственнаго блага, но не всегда его видитъ. Никогда нельзя подкупить народъ, но его можно обмануть, и лишь тогда кажется, будто онъ желаетъ того, что дурно». Руссо такъ высоко ставилъ «волю *всего* народа», что не считалъ справедливымъ, чтобы депутаты, то есть избранники самого народа, дѣлали какія-нибудь окончательныя постановленія: всякій законъ, всякое постановленіе, говорилъ онъ, можетъ получить силу только тогда, когда самъ народъ скажетъ: Да, я хочу, чтобы такой-то законъ возымѣлъ силу. Вотъ его подлинныя слова на этотъ счетъ. «Депутаты не могутъ быть представителями народа, ибо они—всего лишь его прикащики, не имѣющіе права дѣлать окончательныхъ постановленій. Всякій законъ, не

утвержденный прямо самимъ народомъ, не имѣетъ силы; да это вовсе и не законъ».



Жанъ-Жакъ-Руссо.

Когда читаешь все это, то невольно вспоминаешь слова «Декларации»: «Начало всякой верховной власти лежитъ по существу въ самомъ народѣ» (3)... «Законъ

есть выраженіе общей воли» (6). И тутъ то видишь, какъ глубоко засѣли мысли Руссо въ умахъ людей, писавшихъ эту «Декларацію»...

Было однако еще одно обстоятельство, которое имѣло не маловажное значеніе для тѣхъ, кто составлялъ «Декларацію правъ человѣка и гражданина». Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ 1774 году англійскіе колонисты, поселившіеся въ Сѣверной Америкѣ, возстали противъ англійскаго правительства, которое ихъ тѣснило и не давало имъ устроиться на новой родинѣ по своему. Завязалась война между колонистами и коренными жителями Англіи. Это была особенная война, мало похожая на другія войны.

Тутъ шла война за независимость: населеніе колоній хотѣло выйти изъ-подъ власти англійскаго правительства, хотѣло устроиться самостоятельно на началахъ свободы и равноправія всѣхъ гражданъ. Храбро бились колонисты за правое дѣло и, въ концѣ концовъ, побѣдили. И, побѣдивши, завели у себя республику, которая съ тѣхъ поръ стала называться «Республикой Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ». Въ 1776 году, когда образовалась эта республика, представители американскихъ штатовъ составили *декларацію,* въ которой говорилось о неотъемлемыхъ правахъ человѣка и гражданина и о правѣ народа составлять законы и самостоятельно управляться, согласно этимъ законамъ. Американская декларація стала извѣстна всему міру. Была извѣстна она, конечно, и французамъ. И вотъ, когда дѣятелямъ великой революціи пришлось писать свою знаменитую «Декларацію правъ человѣка и гражданина», они, безспорно, приняли во вниманіе и тѣ мысли, которыя были изложены въ американской декларації...

IV.

Права женщины.

«Декларація» французовъ совершенно забыла *о цѣлой половинѣ человѣческаго рода, о женщинахъ*: всѣ эти прекрасныя рѣчи о «правахъ человѣка и гражданина» относились лишь къ мужчинѣ; какъ будто, женщина—не человѣкъ, не гражданка того государства, въ которомъ ей привелось родиться и жить; какъ будто—никакихъ правъ ей не полагается имѣть. Какая безпримѣрная несправедливость!

Да что «Декларація»! Больше ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написали ее. А между тѣмъ женщина и сейчасъ находится въ такомъ же пренебреженіи, какъ и въ тотъ великій день, когда мужчинѣ были объявлены его священныя, «неотъемлемыя» права!

Современная женщина, какъ и женщина прошлыхъ вѣковъ, находится въ положеніи безправнаго существа. У насъ, положимъ, и мужчина не можетъ похвалиться обиліемъ правъ. Ну, а въ другихъ странахъ—во Франціи, въ Англіи, въ Швейцаріи—почему тамъ женщинамъ не даютъ тѣхъ же правъ, которыми пользуются мужчины? Почему здѣсь она не то человѣкъ — не то вьючное животное, не то гражданка — не то рабыня? И замѣтьте, что всюду, во всѣхъ слояхъ общества, положеніе женщины въ общемъ одинаково скверное, хотя иногда и можетъ показаться, что жизнь ея—не жизнь, а масляница. Въ самомъ дѣлѣ.

Вотъ женщина изъ знатнаго круга. Ни въ чемъ она не нуждается. Отецъ или мужъ ея зарабатываетъ большія деньги, пользуется почетомъ. Этотъ почетъ *съ виду* распространяется и на нее: эти деньги даютъ ей воз-

можность ни въ чемъ себѣ не отказывать. Но чѣмъ интересуется женщина «высшаго круга»? Чѣмъ занята цѣлые дни? Наряды, хожденіе по гостямъ и пріемы гостей у себя на дому, театры, балы, любовныя дѣла, да изрѣдка чтеніе пустыхъ книжекъ, въ которыхъ рѣчь идетъ все о тѣхъ же нарядахъ, театрахъ, балахъ и любовныхъ дѣлахъ — вотъ въ чемъ проходитъ жизнь ея. Захочетъ она заняться, положимъ, наукой, или заинтересуется общественными дѣлами, ей скажутъ съ усмѣшкой: Брось! Не твоего ума это дѣло, матушка! Самое большее, что разрѣшается ей — это занятіе хозяйствомъ и дѣтьми да кое-какія пустячныя затѣи «въ пользу бѣдныхъ». Весь остальной широкій міръ занятій и интересовъ—не про нея, какъ будто писанъ. А почему? Да потому, что нѣтъ тутъ, въ «высшемъ обществѣ», уваженія къ женщинѣ, какъ къ человѣку; потому, что тутъ принято считать ее существомъ низшимъ, годнымъ лишь на то, чтобы забавлять мужчинъ.

Спустимся ниже, къ обыкновенной трудовой семьѣ средняго сословія, гдѣ нѣтъ особеннаго достатка, но и нѣтъ особенной нужды. Здѣсь положеніе женщины также въ общемъ не радостное, во всякомъ случаѣ, хуже положенія мужчины.

Если семья *старозавѣтная*, то женщина изъ такой семьи не имѣетъ ни времени, ни права заниматься, напримѣръ, науками: ея мѣсто на кухнѣ, въ спальнѣ, въ дѣтской; ея дѣло — домашнее хозяйство. Пока она — дѣвушка, всѣ желанія ея вертятся на томъ, чтобы поскорѣе и повыгоднѣе выскочить замужъ. Когда же она станетъ женой, то къ обычнымъ занятіямъ ея присоединяются заботы сперва о мужѣ, потомъ — о дѣтяхъ. Положеніе ея ни въ чемъ по существу не измѣняется: какъ въ родительскомъ домѣ была рабой, такъ рабой осталась и въ мужнемъ домѣ. Въ дѣвичествѣ вся жизнь ея зависѣла отъ воли родителей; въ замужествѣ — ей стало ничуть не

лучше: перемѣнился лишь «хозяинъ» и «кормилецъ» ея. Она—послушная жена, она—хозяйка, она—кухарка, она—швея, она—прачка, она—нянька для дѣтей; только *человѣка* по прежнему никто въ ней не признаетъ. И глохнетъ, преждевременно отцвѣтая, эта сѣрая, безрадостная жизнь!...

Но вотъ другая трудовая семья. Въ нее проникли новыя начала жизни. Тутъ родители не измываются надъ дочерьми; тутъ мужья не видятъ въ женщинѣ только хозяйку и только мать своихъ дѣтей. Въ дѣвушкахъ женщина изъ такой *образованной* семьи пользуется нѣкоторой свободой: въ ней видятъ человѣка, у котораго могутъ быть свои желанія, свои мысли, свои интересы, свои вкусы. Ей даютъ образованіе. Затѣмъ она избираетъ себѣ какой-нибудь трудъ и *сама зарабатываетъ себѣ средства къ жизни*, служа учительницей, акушеркой, фельдшерицей, или—на худой конецъ—въ какой-нибудь конторѣ. Посчастливится ей—выйдетъ замужъ, а нѣтъ — будетъ до гробовой доски вести одинокую, трудовую жизнь. Однако и въ замужествѣ, даже вполнѣ удачномъ, она почти всегда остается на положеніи труженицы, помогающей мужу зарабатывать насущный хлѣбъ. Разница лишь въ томъ, что теперь ей зачастую приходится и на сторонѣ работать и дома возиться то съ хозяйствомъ, то съ дѣтьми. Мужъ—если онъ сколько-нибудь порядочный человѣкъ—относится къ ней, какъ къ другу и товарищу. Но много-ль это значитъ, если *за предѣлами своего дома, она, какъ и всѣ другія женщины, безправное существо.* Законъ, и свѣтскій и церковный, старается сдѣлать ее рабой даже дома. Вы знаете, конечно, что, по законамъ нашимъ, главой семьи считается мужъ: онъ можетъ, при желаніи, не отпустить жену въ отъѣздъ, можетъ отнять у нея дѣтей и т. п. Но все это — еще полбѣды. Безправіе женщины виднѣе всего за предѣлами ея собственнаго дома. Имѣть

ли она право занимать тѣ должности, которыя доступны даже самому глупому, бездарному и невѣжественному мужчинѣ? Нѣтъ. Значитъ ли что нибудь ея голосъ въ общественныхъ дѣлахъ? Нѣтъ. Пользуется ли она избирательнымъ правомъ—правомъ выбирать народныхъ представителей—въ тѣхъ странахъ, гдѣ мужчины уже добились этого права? Нѣтъ: только въ Австраліи да въ самое послѣднее время въ Финляндіи такое право признано за женщиной; а въ Германіи, въ Австріи, въ Бельгіи, Англіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи мужчины по большей части все еще посмѣиваются, когда заходитъ рѣчь о томъ, что не мѣшало бы и женщинъ допустить къ избирательнымъ ящикамъ.

Спустимся еще ниже, къ тѣмъ классамъ общества, гдѣ жизнь держится на непосильномъ трудѣ въ союзѣ съ горькой нуждой. Я говорю о рабочихъ и крестьянахъ. Еще лѣтъ 50—60 тому назадъ, не только у насъ, но и въ болѣе просвѣщенныхъ странахъ, не существовало такого множества фабрикъ, заводовъ и различныхъ промысловъ, какъ теперь. Не было тогда, конечно, и такого громаднаго количества рабочихъ, какъ сейчасъ, и при томъ, на фабрикахъ и заводахъ почти сплошь работали мужчины. *Женщина изъ рабочей семьи занималась исключительно домашнимъ хозяйствомъ*: убирать комнату, варить обѣдъ, шить и стирать бѣлье на мужа и дѣтей, справлять сотню мелкихъ хозяйскихъ дѣлишекъ,—вотъ къ чему сводилась жизнь и работа ея. За всѣ эти труды мужчина рабочей семьи бралъ на себя обязанность содержать женщинъ — давать имъ кровъ и пропитаніе. Онъ являлся такимъ образомъ кормильцемъ и главой семьи, *и сама жизнь, и законъ, и обычай ставили женщину въ зависимое, подчиненное положеніе отъ мужчины.*

Но вотъ промышленность стала расти. Росло число фабрикъ и заводовъ. Росло число капиталистовъ — фабрикантовъ, заводчиковъ, хозяевъ всевозможныхъ промы-

словъ. Росла ихъ власть надъ тружениками. А вмѣстѣ со всѣмъ этимъ росла и нужда самихъ рабочихъ. Число ихъ становилось съ каждымъ днемъ все больше и больше. Вслѣдъ за мужчинами потянулись на фабрично-заводскую и промысловую работу и *женщины*. Женщина оторвалась отъ домашняго очага, отъ семьи и обычныхъ хозяйскихъ занятій и пошла на службу къ капиталу. Народилась цѣлая *армія работницъ*. Въ одной Германіи насчитывается сейчасъ свыше *пяти милліоновъ* наемныхъ работницъ, на каждые 100 человѣкъ рабочихъ обоего пола тамъ теперь приходится 35 женщинъ—замужнихъ и дѣвушекъ. Такимъ образомъ, женщина, вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности, стала *какъ-бы* на собственныя ноги. Теперь она сама зарабатываетъ себѣ средства для жизни; теперь ужъ не отецъ, не братья, не мужъ кормятъ и одѣваютъ ее: она и кормится и одѣвается на собственный счетъ. Но, спрашивается, стало ли отъ этого ея положеніе сколько-нибудь лучше прежняго? Чувствуетъ ли она себя свободнѣе, чѣмъ раньше? Вышла ли изъ положенія безправнаго существа, рабыни? Нѣтъ: положеніе ея, скорѣе, ухудшилось. Ко всѣмъ тѣмъ невзгодамъ, которыя тѣснили ее раньше, присоединились новыя. Прежде она находилась на иждивеніи отца или мужа. Теперь ей самой приходится зарабатывать средства къ существованію; теперь, помимо всего прочаго, ее тѣснитъ и обираетъ капиталистъ—хозяинъ фабрики или завода, который платитъ ей за работу меньше, чѣмъ мужчинѣ, только потому, что она—женщина; теперь, отработавши положенное ей время на фабрикѣ или заводѣ, она—усталая, измученная—принимается еще за хозяйственныя дѣла, какъ только вернется домой изъ мастерской. А что получаетъ она въ награду за всѣ свои муки и испытанія? Ничего. Тяжела и неприглядна участь рабочаго. Но у него, даже въ такой отсталой странѣ, какъ наша, все же имѣются

кое-какія права, *ибо онъ мужчина*. А работница лишена даже этихъ жалкихъ правъ, *ибо она женщина*...

Что сказать про женщину-крестьянку?

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты!—русская долюшка женская!
Врядъ-ли труднѣе сыскать.

Да, невеселая доля, и не одна—она, а цѣлыхъ три:

И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться;
Вторая—быть матерью сына-раба.
А третья—до гроба рабу покориться,
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли... *(Некрасовъ)*.

Положеніе крестьянина-пахаря ничуть не лучше, а временами много хуже, положенія городского рабочаго. Крестьянка несетъ съ нимъ вмѣстѣ этотъ тяжелый крестъ. Она—помощница ему въ работѣ: и въ полѣ, и на лугу, и въ огородѣ, и въ домашнемъ хозяйствѣ. Она неразлучная спутница всей горькой неприглядной жизни его: и въ нуждѣ, и въ голодовкѣ, и въ страданіяхъ, и въ болѣзняхъ. И все это однако не даетъ ей права чувствовать и сознавать себя человѣкомъ. Даже тамъ, гдѣ мужикъ имѣетъ право поднять свой голосъ и замолвить слово въ защиту себя и своихъ человѣческихъ нуждъ,—даже тамъ баба должна молчать, должна терпѣть и молча переносить всѣ свои страданія и несправедливости, ибо она—*баба*, то есть такое существо, которое, по общему приговору, должно имѣть однѣ лишь обязанности и не смѣетъ даже говорить о своихъ правахъ. Какая жестокая несправедливость!..

Образованная женщина проходитъ сейчасъ примѣрно тѣ же науки, что и мужчина, и успѣваетъ въ нихъ ничуть не меньше мужчинъ. А потому справедливость требуетъ, чтобы она имѣла право занимать тѣ же общественныя и государственныя должности, которыя сейчасъ предоста-

влены только мужчинамъ: она должна имѣть право всюду быть и докторомъ, и адвокатомъ, и судьей, и учителемъ, и земскимъ гласнымъ, и членомъ городской управы, и членомъ Государственной Думы.

Женщина—труженица, гдѣ-бъ ни работала она—на желѣзной дорогѣ, на почтѣ, въ конторѣ, на фабрикѣ или заводѣ—есть прежде всего *рабочій человѣкъ*, продающій трудъ свой за деньги и проводящій за работой столько же времени, какъ и любой мужчина-работникъ. А потому справедливость требуетъ, чтобы трудъ ея оплачивался совершенно такъ же, какъ и трудъ мужчины, и чтобы начальство и хозяева промышленныхъ заведеній относились къ ней такъ же, какъ и къ мужчинѣ.

Женщина—крестьянка идетъ въ земледѣльческой работѣ наравнѣ съ мужикомъ. А потому справедливость требуетъ, что бы законы и «крестьянскій міръ» предоставилъ ей тѣ же права, которыми пользуется мужикъ.

Но это далеко не все. Теперешніе законы плохи; теперешніе порядки несправедливы: они стѣснительны даже для мужчинъ; они и ихъ связываютъ по рукамъ и ногамъ; они и имъ не даютъ самыхъ необходимыхъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ. Надо добиваться вольностей, надо бороться за гражданскія права. И въ этой борьбѣ одинаково заинтересованы, какъ мужчины, такъ и женщины. А потому имъ надобно бороться съ нашими непорядками вмѣстѣ, дружно, плечо-въ-плечо, рука-объ-руку.

Пусть всѣмъ имъ свѣтитъ одно и то же солнце свободы! Пусть всѣми ими руководитъ одна и та же ненависть къ рабству и насилію, одна и та же любовь къ волѣ и счастью! «Права человѣка»—это одинаково и права мужчинъ, и права женщинъ. «Права гражданина»—опять таки не есть права однихъ лишь мужчинъ: это одновременно и «права гражданокъ», то есть женщинъ. Свободно дѣйствовать, свободно вѣровать, мыслить и выска-

зывать свои мысли имѣютъ право *всѣ* люди, то есть и мужчины, и *женщины*. Участвовать въ государственныхъ дѣлахъ—то есть избирать народныхъ представителей и быть таковыми, составлять законы, распредѣлять общественные доходы и расходы, слѣдить за дѣйствіями властей—все это въ одинаковой степени должно быть правомъ *всѣхъ* гражданъ, и мужчинъ, и женщинъ.

V.

Еще о великой революціи во Франціи.

Я возвращаюсь опять къ великой французской революціи.

Національное Собраніе, издавшее «Декларацію правъ человѣка и гражданина», усиленно работало вплоть до осени 1791 года. Дѣла у него было не мало: надо было отмѣнять старые законы и старые порядки, надо было обстоятельнѣе обработать главныя начала законовъ и порядковъ новыхъ. Наконецъ, въ сентябрѣ 1791 года, работа Національнаго Собранія закончилась, и оно разошлось.

Новые порядки должны были вступить въ силу: Франція была объявлена *ограниченной монархіей*, то есть король въ ней по прежнему оставался, но только власть его была сильно сокращена; право издавать законы перешло отъ короля и министровъ къ *Законодательному Собранію*, которое состояло изъ народныхъ депутатовъ, избранныхъ на полтора года. Казалось, что революція прекратилась, и отнынѣ во Франціи пойдетъ спокойная жизнь.

Но революція не кончилась и вспыхнула съ новой силой мѣсяцевъ 10—11 спустя. Причинъ для этого было много.

Короли и знать разоряли народъ въ теченіе вѣковъ. А то, что испорчено вѣками, немыслимо исправить въ

два-три года. Новые порядки облегчили нѣсколько участь «третьяго сословія», дали народу возможность вздохнуть немного свободнѣе. Но нищеты, недовольства они не уничтожили и не могли уничтожить: масса продолжала страдать отъ недостатка средствъ къ жизни, отъ безработицы, часто—отъ голода. Это поддерживало волненія, это мѣшало успокоенію.

Тутъ присоединялась и другая немаловажная причина. Вѣдь, знать—дворянство и духовенство—вмѣстѣ съ новыми порядками потеряла всѣ свои старыя права и преимущества. Она была страшно недовольна; она открыто заявляла себя противницей новаго уклада французской жизни, она всячески старалась вернуть Францію на старый путь, чтобы снова получить все то, что потеряла она въ дни революціи. Это желаніе заставило ее тѣснѣе сблизиться съ королемъ, который также не очень то былъ доволенъ своимъ новымъ положеніемъ. До революціи 1789 года онъ былъ—все, а теперь... теперь ему пришлось дѣлить свою власть съ Законодательнымъ Собраніемъ, съ избранниками народа. И вотъ съ первыхъ же дней «новаго порядка» пошли у короля съ Законодательнымъ Собраніемъ всякіе счеты и непріятности. А тутъ еще вскорѣ разнесся слухъ, что Людовикъ 16-ый въ союзѣ со знатью замышляетъ что-то недоброе противъ Франціи: зоветъ къ себѣ на помощь другихъ королей, чтобы общими силами сразить революціонеровъ, усмирить возставшій французскій народъ и возстановить «старый порядокъ». И слухи были не напрасные: французскій король на самомъ дѣлѣ тайно сносился съ иностранными державами и предлагалъ имъ какъ-нибудь сообща «остановить успѣхи бунтовщиковъ», «воспрепятствовать тому, чтобы зло распространилось по другимъ государствамъ Европы». А иностранныя державы, въ свою очередь, запугивали французовъ, грозили имъ нашествіемъ.

Все это опять-таки страшно волновало народъ. Онъ боялся козней со стороны короля и знати; онъ опасался, какъ бы «старый порядокъ» не вернулся вновь; онъ готовился грудью постоять за то, чего добился цѣною героической борьбы и крови; онъ на угрозы иностранныхъ державъ самъ отвѣчалъ угрозами.

Наконецъ, не нужно думать, что порядки, заведенные послѣ возстанія 1789 года, были совершенны, и что лучшаго ничего уже нельзя было и придумать. Это далеко не такъ. Законы 1789—1791 гг. были куда лучше законовъ дореволюціонныхъ; да тутъ, впрочемъ, и сравненія никакого нельзя дѣлать, ибо раньше, до революціи, было одно сплошное беззаконіе, а теперь появились настоящіе законы. Но въ законахъ этихъ были недочеты, и крупные недочеты. Новые порядки не удовлетворяли многихъ, ибо друзья народа ждали бо̀льшаго и продолжали стремиться къ лучшему. Отсюда—постоянныя попытки поднять народъ снова на борьбу, отсюда—желаніе продолжать революцію до тѣхъ поръ, пока народъ не добьется полной свободы и не будетъ имѣть всего того, что нужно ему.

Между тѣмъ иностранныя державы не на шутку готовились идти войной на Францію съ цѣлью усмирять «бунтовщиковъ». Тогда новое французское правительство само рѣшило объявить войну. Въ манифестѣ о войнѣ говорилось, что Франція не думаетъ вовсе завоевывать чужія земли и посягать на свободу другихъ народовъ, а подымается лишь на защиту своихъ правъ.

Вѣсть о войнѣ взбудоражила весь французскій народъ. Онъ рѣшился до послѣдней капли крови защищать родную землю отъ нашествія иноземцевъ и новые порядки, завоеванные революціей 1789 года.

Король лицемѣрилъ и продолжалъ строить козни противъ Франціи изъ желанія спасти свой тронъ. Онъ показывалъ видъ, будто одобряетъ войну съ иноземцами, и въ

то же время велъ какіе-то тайные переговоры съ иностранными владыками. Слухи объ этихъ переговорахъ доходили до народа и все больше и больше возстановляли его противъ короля. Къ тому же король совсѣмъ разсорился съ новымъ правительствомъ. Онъ не хотѣлъ утверждать постановленій Законодательнаго Собранія; онъ потребовалъ, чтобы министры новаго правительства подали въ отставку. Опять терпѣніе народа подвергалось жестокому испытанію. Опять въ воздухѣ запахло кровью...

20-го іюня 1792 года въ Парижѣ вновь началось возстаніе. Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ ворвалась во дворецъ. Вожди ея добрались до королевскихъ покоевъ. Тутъ они заставили Людовика 16-го пить вмѣстѣ съ ними вино, прямо изъ бутылки, за здоровье французской націи, заставили его надѣть на голову красный колпакъ—головной уборъ революціонеровъ, требовали, чтобы онъ подписалъ постановленія Законодательнаго Собранія. Король надѣлъ колпакъ, выпилъ за здоровье «французскихъ гражданъ», но... постановленій не подписалъ. Въ это время кстати подоспѣлъ меръ (по нашему—городской голова) города Парижа, успокоилъ толпу и убѣдилъ ее разойтись.

Дни шли. Вѣра въ короля подрывалась все сильнѣе и сильнѣе. Уваженіе къ нему падало. Оно замѣнялось презрѣніемъ. А король все лицемѣрилъ, отдавшись во власть знати... лицемѣрилъ, пока не дождался суроваго, гнѣвнаго упрека отъ имени французскаго народа. Одинъ изъ депутатовъ, обращаясь прямо къ самому Людовику, воскликнулъ: «О, король, вѣрящій, что истина не дороже зла, и что можно взрослыхъ людей забавлять клятвами, какъ забавляютъ дѣтей игрушками!.. Не думаешь ли ты, что и теперь можешь обмануть насъ лицемѣрными увѣреніями? Нѣтъ, ты уже ничто въ глазахъ конституціи, такъ недостойно попранной тобой, ничто и для народа, такъ низко тобою преданнаго»!..

Это было въ началѣ іюля, а черезъ мѣсяцъ, *10 августа*, цѣлое море людей, раздраженныхъ, гнѣвныхъ, съ оружіемъ въ рукахъ, шумно неслось ко дворцу Тюльери. Король съ семьей находился тамъ. Защита у дворца была не надежная. Французская гвардія встрѣтила поднявшійся народъ криками: «Да здравствуетъ нація!» — «Долой тирана!» Надежда на гвардію была плоха. Вѣрными королю до послѣдней минуты оставались лишь *наемные* защитники его, швейцарцы. Они и легли тутъ костьми за вѣрность свою. Осада дворца началась въ 8 часовъ утра. Наконецъ, онъ былъ взятъ приступомъ. Король съ семьей бѣжалъ въ зданіе, гдѣ засѣдало Національное Собраніе. Тутъ онъ нашелъ себѣ временное убѣжище. Но тутъ же онъ долженъ былъ собственными ушами слушать, какъ депутаты рѣшали вопросъ, — быть ли отнынѣ во Франціи королю или нѣтъ. Національное собраніе постановило лишить короля власти и посадить его на время съ семьей въ крѣпость. А какъ быть дальше, — это ужъ должно было рѣшить *новое* Національное Собраніе, *Конвентъ* [1]).

Черезъ мѣсяцъ собрался Конвентъ. «Исторія королей есть повѣсть о страданіяхъ народа!» говорилъ на этомъ собраніи одинъ изъ депутатовъ. Въ такомъ же духѣ разговоры длились нѣсколько часовъ. Большая часть депутатовъ склонялась къ тому, что монархія во Франціи должна быть уничтожена. И это рѣшеніе, наконецъ, одержало верхъ: *съ 22 сентября 1792 года* во Франціи ужъ не было монархіи. *Франція была объявлена республикой.*

Но какъ быть съ королемъ? Одни предлагали изгнать его изъ отечества. Другіе совѣтывали оставить въ тюрьмѣ. Третьи находили нужнымъ казнить «тирана».

16-го октября Конвентъ рѣшилъ предать Людовика суду.

---

[1]) «Конвентъ» и значитъ—собраніе.

11-го декабря Людовика допросили и отправили обратно въ крѣпость.

21-го января 1793 года Людовика казнили...

А революція все еще не кончалась. Ужасы ея были еще впереди. Но... на этотъ разъ довольно и сказаннаго...

Объявивши Францію республикой, Конвентъ долженъ былъ заняться составленіемъ новыхъ «основныхъ законовъ» для страны. Вѣдь, теперь положеніе вещей измѣнилось. Теперь ужъ не было короля. Теперь, стало быть, надо было нѣсколько иначе рѣшить вопросъ о власти народа въ дѣлахъ управленія, и вопросъ о правахъ отдѣльныхъ гражданъ. Пришлось писать новую «Декларацію». Правда, эта новая «Декларація» во многомъ очень походила на старую. Но были въ ней и новыя, очень важныя статьи.

Прежде всего, по новой декларації, требовалось, чтобы народъ имѣлъ право отклонять или утверждать тѣ законы, которые вырабатывало Законодательное Собраніе. Предполагалось устроить это такъ.

Законодательное Собраніе вырабатываетъ законъ, отпечатываетъ его на отдѣльныхъ листахъ и разсылаетъ эти листы во всѣ общины республики, чтобы, такимъ образомъ, все населеніе знало, что̀ это за законъ, и могло, въ случаѣ надобности, сказать о немъ свое слово. На знакомство населенія съ новымъ закономъ полагалось сорокъ дней. Если за это время извѣстная часть гражданъ не выскажется противъ новаго закона, то онъ получаетъ силу и проводится въ жизнь. Если же, наоборотъ, положенное число гражданъ не захочетъ принимать новаго закона, то законъ этотъ пускается на голосованіе всѣхъ гражданъ. Народъ можетъ сказать «да», и тогда законъ возымѣетъ силу; народъ можетъ сказать—«нѣтъ», и тогда законъ проваливается.

Новая декларація давала народу еще одно важное право. Вотъ къ чему сводилось оно.

Можетъ, вѣдь, случиться, что современемъ, тѣ законы и порядки, на которыхъ держится жизнь государства, окажутся мало пригодными для новыхъ, измѣнившихся условій жизни. Какъ быть тогда? Не устраивать же постоянно революціи! Вотъ для такихъ то случаевъ «Декларація» 1793 года установила правило, по которому *всѣ «основные законы» государства могутъ въ любое время подлежать пересмотру, если только этого захочетъ положенное закономъ число гражданъ.*

Какъ видите, по новой деклараціи власть народа и права гражданъ значительно расширялись. Да это такъ и должно было быть, ибо въ числѣ составителей этой деклараціи было много людей, которые смотрѣли на государство и на волю народа такъ, какъ училъ Ж. Ж. Руссо.

Народъ и его интересы выдвигались въ новой деклараціи на первое мѣсто. Это видно и изъ другихъ статей ея.

Возьмемъ хотя бы вопросъ о помощи со стороны общества нуждающимся въ трудѣ и въ средствахъ къ жизни. Вотъ, что гласитъ по этому поводу 21 статья деклараціи 1793 года: «Общественная помощь есть священный долгъ. Общество обязано давать средства къ существованію несчастнымъ гражданамъ, доставляя имъ работы или обезпечивая ихъ пропитаніе, если они не въ состояніи работать». Затѣмъ, если помните, въ старой деклараціи ничего не говорилось о правѣ всѣхъ гражданъ получать образованіе. Новая же декларація и на этотъ счетъ сказала нѣчто очень важное. Въ 22-ой статьѣ ея говорится слѣдующее: «Образованіе есть общая потребность. Общество всею своей властью должно содѣйствовать развитію разума всего народа, оно должно сдѣлать образованіе доступнымъ для всѣхъ гражданъ».

Есть, наконецъ, въ новой деклараціи еще одна статья, которую должны одобрить всѣ друзья человѣчества. Здѣсь рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между народами. Прочтите:

«Французскій народъ—другъ и естественный союзникъ свободныхъ народовъ; онъ не вмѣшивается въ дѣла правленія другихъ націй и не терпитъ, чтобы другія націи вмѣшивались въ его собственныя дѣла; онъ даетъ убѣжище иностранцамъ, изгнаннымъ изъ отечества за дѣло свободы, но отказываетъ въ убѣжищѣ тиранамъ»...

VI.

«Заговоръ равныхъ».

Новый порядокъ, который обѣщала французскому народу «Декларація» 1793 года, въ жизнь не вошелъ: онъ такъ и остался на бумагѣ. Почему же? Отвѣчу кратко.

Возстаніе во Франціи подняло «третье сословіе». Но я уже говорилъ, что «третье сословіе» само распадалось на два неодинаковыхъ по достатку класса: меньшинство состояло изъ людей обезпеченныхъ, нерѣдко очень богатыхъ; это была, такъ называемая, *буржуазія* — крупные землевладѣльцы изъ *не*-дворянъ, фабриканты, купцы, промышленники, банкиры и т. д. Большинство же «третьяго сословія» состояло изъ подлинныхъ необезпеченныхъ тружениковъ: сюда относились главнымъ образомъ крестьяне и городскіе рабочіе.

Буржуазія и труженики дѣлали революцію вмѣстѣ. Но потомъ, когда они добились главнаго, когда рухнулъ «старый порядокъ», когда была отнята власть у короля и «благородныхъ» сословій — разница между буржуазіей и трудовою массою, между людьми обезпеченными и бѣдняками сказалась во всю.

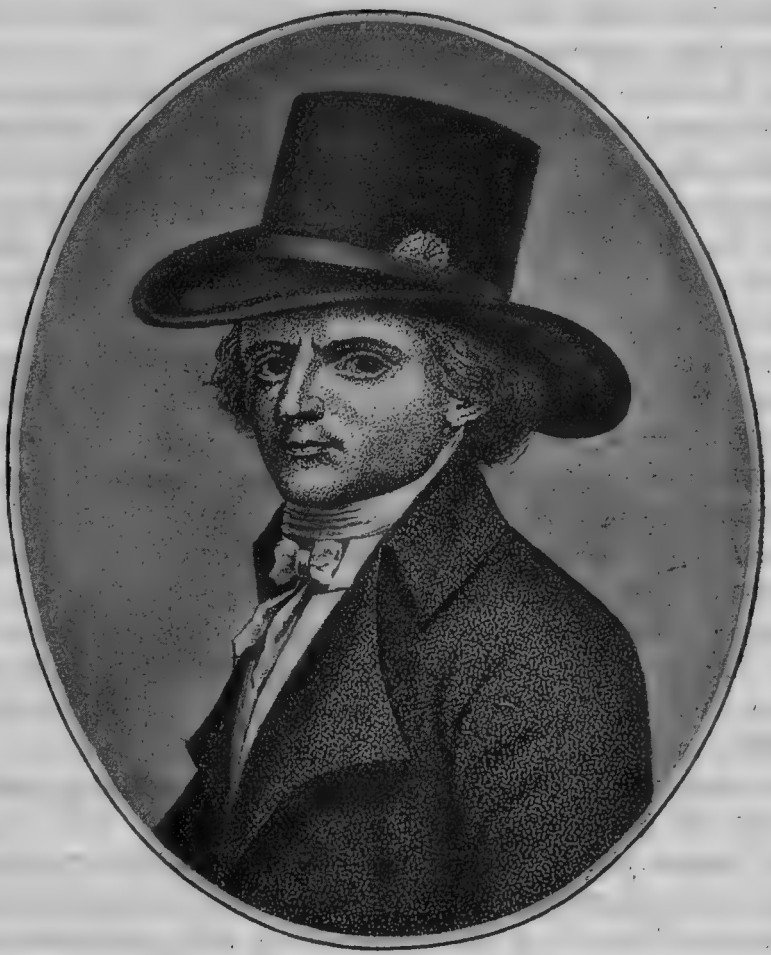
Буржуазія получила тѣ права, которыхъ добивалась; буржуазія отняла власть у дворянства и духовенства и сама стала властью. Теперь ей помощь народа не была нужна. Теперь ей самой хотѣлось зажить на славу. А

революція между тѣмъ продолжалась. Голодныя, необезпеченныя массы не хотѣли успокоиться, пока не добьются самаго необходимаго для себя. Буржуазіи это не нравилось. Ей захотѣлось покоя послѣ тревожныхъ, кровавыхъ дней; ей захотѣлось мирной жизни. Да къ тому жъ она побаивалась, какъ бы народъ не позарился на ея богатства. И вотъ она стала «бить отбой». «Довольно волненій! Довольно крови!» кричали буржуа. «Чего намъ еще нужно? Получили желанныя права — и будетъ съ насъ!» Одинъ изъ вождей буржуазіи обратился съ возваніемъ къ молодежи, гдѣ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Неужели вы дозволите перебить себя, какъ барановъ? Нѣтъ, вы не стерпите, чтобы восторжествовала ненавистная партія! Вы закрыли клубъ якобинцевъ (революціонеровъ)! Вы сдѣлаете больше: вы уничтожите ихъ!»

Да, времена перемѣнились. Вчерашніе друзья и единомышленники стали врагами и противниками. Вчерашніе революціонеры собирались уничтожить революціонеровъ. Вчерашніе рабы, ставши господами, захотѣли подчинить своей власти тѣхъ, кто по прежнему страдалъ отъ нищеты. Окрѣпшая буржуазія показала свои когти. Понятно, что ей были не по душѣ законы, объявленные Конвентомъ въ 1793 году. А такъ какъ теперь она стояла у кормила правленія, то законы эти въ жизнь не вошли, а остались на бумагѣ.

Но истинные друзья народа не молчали. Несмотря на преслѣдованія, они собирались съ силами. Среди этихъ друзей особенно выдѣлялся нѣкто *Гракхъ Бабефъ*. Онъ собралъ вокругъ себя много сторонниковъ. Число ихъ вскорѣ выросло до *семнадцати тысячъ* человѣкъ. Они называли себя «равными», потому что добивались подлиннаго равенства для всѣхъ гражданъ — равенства не только по закону, но и на самомъ дѣлѣ, въ жизни. Они говорили: «Природа дала каждому человѣку одинаковое право пользоваться всѣми благами. Природа наложила

на каждаго человѣка обязанность работать; никто не могъ освободиться отъ труда, не совершивши при этомъ преступленія. Трудъ и блага должны быть общими. Гнетъ



Гракхъ Бабефъ.

существуетъ тамъ, гдѣ одни изнуряютъ себя трудомъ и всевозможными лишеніями въ то время, какъ другіе утопаютъ въ роскоши, ничего не дѣлая. Въ благоустроен-

номъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Революція еще не кончена, потому что богачи все еще поглощаютъ всѣ богатства и сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ всю власть, въ то время какъ бѣдняки работаютъ, какъ настоящіе рабы, томятся въ нищетѣ и не пользуются никакимъ значеніемъ въ государствѣ»...

И вотъ «равные» хотѣли продолжать революцію—новую революцію бѣдныхъ противъ богатыхъ, революцію трудового народа противъ забравшей все въ свои руки буржуазіи.

Ихъ первая цѣль была возстановить и провести въ жизнь тѣ законы, которые были составлены Собраніемъ народныхъ депутатовъ въ 1793 году. А потомъ, когда это будетъ сдѣлано, они собирались превратить всю Францію въ одну «большую національную общину», въ которой всѣмъ будетъ предоставлено «равное, честное, безбѣдное существованіе», всѣмъ будетъ «дано то, въ чемъ они нуждаются». При этомъ предполагалось, что въ будущей «національной общинѣ» всѣ будутъ трудиться на общую пользу, и «лица, ничего не дѣлающія для отечества, не будутъ имѣть никакихъ политическихъ правъ».

Чтобы собрать побольше сторонниковъ, «равные» рѣшили обратиться къ народу съ манифестомъ. Манифестъ этотъ такъ и называется «Манифестомъ равныхъ». Онъ такъ интересно написанъ, что я считаю нужнымъ привести здѣсь изъ него нѣкоторыя мѣста. Вотъ они:

«Французскій народъ! Въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати вѣковъ ты жилъ рабомъ, а слѣдовательно, въ горѣ и несчастьи. Только за послѣдніе шесть лѣтъ ты сталъ нѣсколько свободнѣе дышать въ ожиданіи независимости, счастья и равенства...

Французскій народъ, ты не менѣе несчастенъ, чѣмъ всѣ прочія націи, прозябающія на несчастномъ земномъ шарѣ... Всегда и всюду людей убаюкивали красивыми

словами, никогда и нигдѣ слово не сопровождалось дѣломъ. Съ незапамятныхъ временъ намъ лицемѣрно повторяютъ: люди—братья, и съ незапамятныхъ же временъ самое унизительное неравенство тяготѣетъ надъ человѣческимъ родомъ...

Теперь же, когда громче, чѣмъ когда либо, требуютъ осуществленія равенства, намъ отвѣчаютъ: «Замолчите, несчастные! Равенство дѣйствительное—одна лишь химера [1]); вы должны довольствоваться тѣмъ, что вамъ дали: всѣ вы равны передъ закономъ. Чего вамъ еще нужно, негодяи?!» Чего намъ еще нужно? Послушайте-же и вы, законодатели, богачи, собственники...

Намъ нужно не только равенство, написанное въ декларацiи правъ человѣка и гражданина; мы требуемъ, чтобы оно существовало среди насъ, подъ крышей нашихъ домовъ... Мы стремимся къ чему то болѣе возвышенному и болѣе справедливому: мы стремимся къ общему благу или къ общности благъ. Земля не принадлежитъ никому. Мы требуемъ общиннаго пользованія плодами земли: плоды принадлежатъ всѣмъ. Мы заявляемъ, что не можемъ больше мириться съ тѣмъ, чтобы огромное большинство людей въ потѣ лица своего трудилось, создавая роскошь для ничтожнаго меньшинства.

Слишкомъ долго какой-нибудь милліонъ людей присваивалъ себѣ то, что по праву принадлежитъ двадцати милліонамъ имъ равныхъ.

Эта вопіющая несправедливость, которой наши потомки съ трудомъ повѣрятъ, должна быть, наконецъ, уничтожена!

Долой возмутительныя различія между богатыми и бѣдными, между сильными и слабыми, между господами и слугами, между правителями и управляемыми!

---

[1]) То есть—несбыточная мечта.

Французскій народъ! Мы тебѣ заявляемъ: святое дѣло, предпринимаемое нами, не имѣетъ другой цѣли, какъ положить конецъ гражданскимъ междоусобицамъ и общественной нищетѣ...

Пробилъ часъ рѣшительныхъ мѣръ. Зло достигло своего предѣла. Оно наполняетъ весь міръ. Хаосъ, называющійся политикой, господствуетъ повсюду. Порядокъ долженъ быть возстановленъ. Пусть начала справедливости и счастья сплотятся воедино во имя равенства. Насталъ моментъ основать республику равныхъ—этотъ гостепріимный домъ, двери котораго широко открыты для всего человѣчества. Наступили дни всеобщаго возрожденія. Вы, страждущіе! Придите и займите мѣсто за общимъ столомъ, уготовленнымъ природой для своихъ дѣтей!...

Французскій народъ! Открой твои глаза и твое сердце, чтобы добиться полнаго своего благоденствія. Провозгласи вмѣстѣ съ нами республику равныхъ!»...

Среди городской бѣдноты проповѣдь «равныхъ» нашла большое сочувствіе. Я ужъ говорилъ, что число «равныхъ» за короткое время достигло до 17 тысячъ человѣкъ. Ученіе ихъ стало проникать даже въ среду войскъ. Правительство, узнавши объ этомъ, страшно всполошилось. Испугалась не на шутку и буржуазія. «Заговоръ равныхъ», собиравшихся произвести переворотъ, былъ открытъ. Многіе изъ заговорщиковъ понесли тяжелую кару. Главный вождь ихъ—Гракхъ Бабефъ — сложилъ свою буйную голову на плахѣ.

Это было *въ 1796 году*—всего лишь три года спустя послѣ того, какъ во Франціи была объявлена новая, республиканская, «Декларація». А еще черезъ три года солдаты французскаго генерала Бонапарта изгнали изъ зала засѣданій народныхъ представителей Франціи. Завоеванная революціей свобода быстро пошла на убыль. Французской республикѣ приходилъ конецъ. Страхъ имущихъ

предъ неимущими сдѣлалъ свое дѣло. Буржуазія охотно отказывалась отъ свободы, изъ желанія удержать при себѣ свои богатства, свою власть надъ тружениками. Благодаря ея трусости, корысти и стараніямъ, генералъ Бонапартъ— онъ же и Наполеонъ I — сталъ императоромъ. Не стало республики. Французскій народъ вновь очутился во власти одного человѣка...

Да, времена перемѣнчивы. Измѣнчивы и судьбы народовъ...

VII.

«Свобода, равенство и братство».

Вы помните, что говорилось въ началѣ первой французской «Декларації»? Вы не забыли, быть можетъ, почему Національное Собраніе сочло нужнымъ напомнить французскому народу о «естественныхъ, неотчуждаемыхъ и священныхъ правахъ человѣка и гражданина?»

Дѣятели великой революціи и избранники французскаго народа думали, что «незнаніе и забвеніе правъ человѣка», что «презрѣніе къ этимъ правамъ» «есть *единственная причина* общественныхъ бѣдствій»; они думали, что, если всѣ французы будутъ уравнены въ своихъ правахъ, если каждому человѣку будетъ дана возможность свободно устраивать жизнь свою, то все вѣковое зло Франціи исчезнетъ, и французскій народъ заживетъ на славу.

Однако избранники французскаго народа ошиблись. Они слишкомъ мало вниманія обратили на улучшеніе *хозяйственной* (экономической) жизни Франціи; они слишкомъ мало заботъ приложили къ тому, *чтобъ обезпечить народъ отъ бѣдности, голода и нищеты и дать ему необходимыя средства къ жизни*. Въ этомъ была ихъ главная ошибка, которая повела къ ряду новыхъ революцій.

Французскому народу—я говорю о бѣдныхъ труженикахъ — сказали: отнынѣ ты свободенъ! *Но эта свобода сводилась для него къ свободѣ умирать съ голоду.* Ему сказали: отнынѣ ты уравнёнъ въ правахъ съ другими сословіями! *Но это равенство* для тружениковъ было *равенствомъ рабовъ передъ рабовладѣльцами.* Ему сказали: отнынѣ всѣ французы—братья! Но для трудящихся массъ *это братство сводилось къ братству по нищетѣ...*

«Свобода, равенство и братство» — великія, святыя слова! Но — только *слова* до той поры, пока вся жизнь не будетъ перестроена такъ, чтобы всѣ люди *не по закону только, а на самомъ дѣлѣ* чувствовали и свободу, и равенство, и братство.

Что-жъ нужно сдѣлать для этого? Когда же, наконецъ, люди почувствуютъ, что жизнь ихъ и въ самомъ дѣлѣ держится на началахъ «свободы, равенства и братства?»

Великая революція положила конецъ дѣленію французскаго населенія на «благородныхъ» и «подлыхъ»: она объявила *всѣхъ* французовъ гражданами, *равноправными передъ закономъ.* Сдѣлала ли, однако, она что-нибудь для уничтоженія *имущественнаго неравенства* между французами? Нѣтъ, ничего, или, вѣрнѣе, — почти что ничего не сдѣлала. *Французская нація осталась по прежнему раздѣленной на два класса: классъ имущихъ* и *классъ неимущихъ*; въ первомъ изъ нихъ, послѣ революціи, главное мѣсто заняла *буржуазія* — вполнѣ обезпеченные и даже богатые граждане изъ бывшаго «третьяго сословія»; а во второмъ числились всѣ остальные, необезпеченные граждане-труженики все изъ того же бывшаго «третьяго сословія»: городскіе рабочіе, мелкіе ремесленники, крестьяне и т. д. Въ рукахъ первыхъ были капиталы (деньги), промышленныя заведенія, мастерскія, машины, крупные участки земли, торговыя предпріятія; вторые же, по большей части, ничего не имѣли, съ трудомъ поддерживали жизнь свою изо

дня въ день, а мѣстами—просто нищенствовали и голодали.

Итакъ, *Великая Революція имущественнаго неравенства не уничтожила*: кто былъ бѣденъ и существовалъ

Наполеонъ Бонапартъ.

исключительно трудами рукъ своихъ или просто голодалъ, тотъ, что имѣлъ, съ тѣмъ и остался; а люди обезпеченные и богатые, освободившись отъ власти короля и «бла-

городныхъ сословій», получили возможность пріумножать свои богатства.

Понятно, что при такомъ неравенствѣ въ имущественномъ отношеніи, свобода, то есть вольности и гражданскія права, сами по себѣ не много внесли свѣта и тепла въ жизнь *трудового* народа.

Могъ ли трудовой народъ «свободно дѣйствовать», если жизнь его висѣла на волоскѣ, если неотступная забота о завтрашнемъ днѣ, о кускѣ хлѣба связывала его на каждомъ шагу по рукамъ и ногамъ? Во всѣхъ дѣлахъ, и въ личныхъ, и въ общественныхъ, онъ долженъ былъ считаться съ желаніемъ и интересами работодателей и богачей, ибо отъ нихъ теперь зависѣла вся жизнь его. Они теперь забрали власть въ свои руки, они стали, какъ говорятъ, господами положенія.

Великая революція дала трудовому народу право «свободно мыслить и свободно высказывать свои мысли». Но право это оставалось записаннымъ лишь въ законахъ. На дѣлѣ же народъ просто не имѣлъ ни времени, ни возможности воспользоваться этимъ прекраснымъ правомъ. Задавленный нуждой, обремененный непосильнымъ трудомъ, онъ оставался невѣжественнымъ. А какая ужъ тамъ можетъ быть свободная мысль при нуждѣ да вѣчномъ трудѣ? Негдѣ тутъ, да и не на чемъ развернуться мысли! И вотъ ему оставалось одно: предоставить другимъ, людямъ образованнымъ и имѣющимъ досугъ, и мыслить за себя и высказывать эти мысли устно или печатно, — какъ имъ заблагоразсудится! Ну, а такъ какъ и образованіе и досугъ были достояніемъ людей обезпеченныхъ и богатыхъ, то понятно, что *по большей части* и мысли ихъ и рѣчи клонились въ пользу богатыхъ, а не бѣдныхъ.

Великая революція дала трудовому народу «политическія права», то есть право участвовать въ государственныхъ дѣлахъ—избирать народныхъ депутатовъ, принимать

или отклонять важнѣйшіе законы и т. д. Но и эти права оставались, по большей части, не выполненными—опять таки въ силу того, что трудовой народъ былъ бѣденъ и невѣжественъ. Бѣдность и невѣжество ставили тружениковъ въ зависимость отъ богатыхъ и образованныхъ людей. Чувствуя надъ собою власть багатыхъ—крупныхъ землевладѣльцевъ, заводчиковъ, хозяевъ мастерскихъ, купцовъ, банкировъ и т. д. — ни на минуту не забывая объ этой власти, трудовой народъ и въ политическихъ дѣлахъ часто поддавался совѣтамъ, уговорамъ и лживымъ обѣщаніямъ богатыхъ людей, — гдѣ изъ боязни потерять работу, гдѣ изъ корыстной цѣли заполучить что-нибудь изъ толстой мошны богатѣевъ, а гдѣ просто по недомыслію и невѣжеству своему. Такимъ образомъ выходило, что иногда онъ самъ же, неумѣло пользуясь своими «политическими правами», сильнѣе затягивалъ петлю на собственной шеѣ...

Не думайте однако, что, говоря это, я хочу умалить значеніе великой революціи, хочу сказать, что она такъ-таки ничего не дала французскому народу. Совсѣмъ нѣтъ. Я утверждаю только, что революція эта не сдѣлала—*да и не могла сдѣлать!* — всего того, что нужно было сдѣлать для трудового народа.

Великая революція уничтожила старый *политическій* (государственный) порядокъ, который цѣликомъ держался на беззаконіи и произволѣ властей.

Великая революція разорвала тѣ цѣпи, которыми «третье сословіе» — и буржуазія и трудовой народъ — держалось въ крѣпостной зависимости отъ дворянства и духовенства.

Великая революція превратила сословное французское общество *въ общество безсословное*, отнявши у «благородныхъ» тѣ преимущества, которыми они пользовались при старомъ порядкѣ, и подчинивши всѣхъ французскихъ гражданъ однимъ и тѣмъ же законамъ.

Великая революція *развязала руки всему французскому народу*, давши ему возможность самому на будущее время заботиться о судьбѣ своей.

Но «свободы, равенства и братства» она не установила—и не могла установить во Франціи: тою свободой, которую завоевала революція, могла *полностью* воспользоваться только буржуазія; а *«равенства и братства» не можетъ быть тамъ, гдѣ вся хозяйственная жизнь держится на ложныхъ и по существу несправедливыхъ началахъ.* Если бы великая революція установила во Франціи подлинную свободу, подлинное равенство и подлинное братство, то это означало бы, что:

Она уничтожила бы дѣленіе людей на *тружениковъ* и *тунеядцевъ*: всѣ трудились бы на пользу всѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на собственную пользу, и такимъ образомъ одни освободились бы отъ необходимости быть каторжниками труда, а другіе отъ права заѣдать чужую жизнь.

Она уничтожила бы дѣленіе на обезпеченныхъ *работодателей* и голодающихъ *работниковъ*: всѣ орудія и средства производства (земля, машины, денежные капиталы и т. д.) стали бы достояніемъ *всего народа*, и такимъ образомъ пала бы власть имущихъ надъ неимущими.

Она уничтожила бы дѣленіе на *бѣдныхъ* и *богатыхъ*: всѣ были бы обезпечены, всѣ имѣли бы всё необходимое для жизни и такимъ образомъ освободились бы отъ проклятой, всеотравляющей думы о завтрашнемъ днѣ.

Она уничтожила бы дѣленіе на *образованныхъ* и *невѣжественныхъ*: образованіе, какъ и всѣ иныя блага жизни, стало бы достояніемъ всѣхъ, и такимъ образомъ изсякъ бы разъ на всегда источникъ того рабства, которое создается и держится благодаря тому, что мысль однихъ просвѣтлена знаніемъ, а другіе бродятъ во тьмѣ.

Она уничтожила бы, наконецъ, дѣленіе людей на *господствующихъ* и *подчиненныхъ*: всѣ, не опасаясь уже за

собственную жизнь и за участь своихъ близкихъ, полностью пользовались бы своими человѣческими и гражданскими правами...

И вотъ, если бы все это совершилось, тогда на самомъ дѣлѣ Франція преобразилась бы въ царство труда и правды, тогда среди людей на самомъ дѣлѣ была бы и свобода, и равенство, и братство. А пока Франція стоитъ лишь на пути къ этому царству...

VIII.

Заключеніе.

Какъ же идти къ желанному будущему, къ подлиннымъ правамъ и къ подлинной свободѣ?

Въ «Декларацiи» права человѣка и гражданина названы *естественными, неотъемлемыми и священными* правами.

Что это значитъ?

Человѣкъ рождается на свѣтъ божій съ извѣстными потребностями, которыя обязательно должны удовлетворяться: иначе жизнь его превратится въ одну сплошную муку.

Онъ долженъ ѣсть и пить; ему нуженъ кровъ; ему необходимо прилагать къ чему-нибудь свои силы—силы физическія и духовныя; онъ противится страданіямъ и ищетъ удовольствій; онъ безсознательно оберегаетъ свою жизнь; онъ тянется душой къ себѣ подобнымъ, ищетъ общества, хочетъ жить среди людей, черпая въ этомъ удовольствіе.

Все это его законныя, *естественныя* потребности, и желаніе удовлетворить эти потребности составляетъ его законное, *естественное* право.

Можемъ ли мы сказать человѣку: не ѣшь, не пей, не работай, не мысли, не избѣгай страданій и смерти, не

ищи удовольствія, живи въ одиночествѣ, внѣ общества? Нѣтъ, конечно: каждый изъ насъ назвалъ бы сумасшедшимъ того, кто сталъ бы приставать къ людямъ съ такими нелѣпыми требованіями. Вотъ почему говорятъ, что всѣ вышеперечисленныя «права человѣка» не только естественны, *но и неотъемлемы*: ихъ нельзя отнять у человѣка, никто не имѣетъ права лишить его этихъ правъ. Они—эти права каждаго отдѣльнаго человѣка—должны составлять какъ бы святыню для другихъ людей, неприкосновенную святыню, къ которой всякій обязанъ относиться съ глубокимъ уваженіемъ. Потому-то «естественныя, неотъемлемыя права человѣка и гражданина» именуются въ то же время и «священными».

Все это совершенно справедливо. Но жизнь, къ сожалѣнію, не всегда считается съ тѣмъ, что справедливо: «естественныя права» человѣка на каждомъ шагу попираются, ихъ у людей отнимаютъ, священными не считаютъ.

Развѣ мы не знаемъ, что существуютъ милліоны людей, у которыхъ нѣтъ ни пищи, ни крова, хотя они нуждаются и въ пищѣ, и въ кровѣ не меньше тѣхъ, у кого все это имѣется въ избыткѣ?

Развѣ мы не знаемъ, что существуютъ милліоны людей, вся жизнь которыхъ исполнена страданій, хотя они и тянутся къ удовольствію не меньше тѣхъ, кто утопаетъ до одуренія въ удовольствіяхъ?

Развѣ мы не знаемъ, что существуютъ милліоны людей, томимыхъ духовной жаждой, стремящихся къ свѣту знанія, но прозябающихъ въ невѣжествѣ и тьмѣ, хотя ихъ мысль способна работать не хуже, чѣмъ мысль тѣхъ, кто пресыщенъ и знаніемъ и иными духовными наслажденіями? Все это, къ несчастью, обычная исторія, и доказывать тутъ нечего. Но почему же въ жизни приключилась такая жестокая неправда? Что стало съ «естественными» правами тѣхъ милліоновъ, которые и по сей день осуж-

дены на нищету, страданіе и невѣжество? Кто отнялъ у нихъ ихъ якобы «неотъемлемыя» права? Кто такъ кощунственно насмѣялся надъ святынею «священныхъ» правъ? Попробуемъ отвѣтить.

Права человѣка устанавливаются обычаями и законами того общества, въ которомъ онъ живетъ. А обычаи и законы, въ свою очередь, устанавливаются людьми. Но *всѣми* ли людьми? Нѣтъ, *сильнѣйшими* изъ нихъ,—тѣми, въ чьихъ рукахъ оказались и богатство, и власть, людьми *власть имущими*. Вотъ въ этомъ то и коренится вся неправда жизни, это то и даетъ однимъ право отнимать у другихъ ихъ «естественныя, неотъемлемыя и священныя» права.

Дикари одного племени, одержавши въ битвѣ побѣду надъ дикарями другого племени, приводятъ къ себѣ домой побѣжденныхъ и заставляютъ ихъ работать на себя. Плѣнники считаются ихъ рабами—у плѣнниковъ нѣтъ правъ, а есть лишь обязанности; а побѣдители считаютъ себя *въ правѣ* не только употреблять ихъ въ дѣло, какъ рабочую скотину, но и убить ихъ въ любую минуту. На чемъ покоится это право побѣдителей? На ихъ *силѣ*. Обезоруженный, безпомощный, а потому и болѣе слабый плѣнникъ не въ силахъ противиться побѣдителю: *въ этомъ источникъ его безправія, въ этомъ же и источникъ права для побѣдителя.*

Жизнь римскихъ патриціевъ—такъ величалась римская знать въ древности—текла весело, беззаботно, въ полномъ довольствѣ и нѣгѣ. Правъ у патриціевъ было неимовѣрное количество—хоть отбавляй. Между прочимъ, они имѣли право владѣть рабами, и это право они считали своимъ «священнымъ, неотъемлемымъ правомъ». Душа ихъ нисколько не смущалась тѣмъ, что рабы—тѣ же люди, и что у этихъ людей также должны имѣться «священныя, неотъемлемыя права человѣка»,—не смущалась, ибо па-

триціи рабовъ не считали даже за людей. Но почему? Откуда у нихъ взялись такія дикія, на нашъ взглядъ, понятія? Откуда далось имъ это *право* владѣть людьми и обращаться съ ними, какъ съ вещью?

Да все оттуда же, откуда берутся и всѣ иныя права: *изъ сознанія своей силы.* Патриціи составляли силу въ римскомъ государствѣ: у нихъ сосредоточивались богатства, въ ихъ рукахъ была власть, за нихъ горой стояли храбрые римскіе легіоны (войска); все это дѣлало ихъ господами въ государствѣ, его законодателями; мудрено ли, что законы, которые издавались патриціями, утверждали и защищали права самихъ патриціевъ, тогда какъ низшее сословіе римлянъ и рабы, по слабости своей, обрекались на безправіе.

При «старомъ порядкѣ» во Франціи сила была на сторонѣ «благородныхъ сословій», а потому и право было на ихъ сторонѣ; «третье сословіе» тогда никакой внушительной силы изъ себя не представляло, а потому и коснѣло въ безправіи.

Но вотъ обстоятельства измѣнились. «Третье сословіе»—*собственно буржуазія*—выросло, окрѣпло, *стало богаче и деньгами, и знаніемъ, и единеніемъ*,—словомъ, почувствовало себя силой. И что жъ? Ставъ силой, буржуазія потянулась къ правамъ. Въ союзѣ съ трудовымъ народомъ, она подняла знамя возстанія, пошла войной противъ «стараго порядка», побѣдила и положила конецъ своему безправію. Побѣдивши, она объявила на весь міръ о правахъ, которыми должны пользоваться всѣ люди безъ исключенія, но въ то же время... *приберегла львиную долю этихъ правъ лично для себя.* И тутъ, какъ видите, право опять таки очутилось на сторонѣ силы. Силою наканунѣ революціи и во время самой революціи было не все «третье сословіе», а только часть его — *наиболѣе богатая, наиболѣе просвѣщенная, наиболѣе сплоченная.*

Потому то и право было на сторонѣ этой именно части «третьяго сословія». А трудовой народъ въ то время былъ еще слишкомъ бѣденъ, слишкомъ теменъ и проявлялъ слишкомъ мало единодушія для того, чтобы съ нимъ могли считаться, какъ съ силой. Потому-то и права его остались, по большей части, лишь напечатанными на бумагѣ.

И такъ было всюду, такъ было всегда. Гдѣ сила—тамъ и право; гдѣ безсиліе, рознь, нищета и невѣжество—тамъ и безправіе. Сила создаетъ право, сила утверждаетъ и защищаетъ право, сила идетъ впереди права.

«Если бъ—говорилъ одинъ изъ вождей нѣмецкаго трудового народа, Лассаль—если бъ я былъ творцомъ міра, то навѣрное устроилъ бы такъ, чтобы въ немъ Право шло впереди Силы».

Да, оно такъ и должно бы было быть по справедливости, оно такъ и будетъ на самомъ дѣлѣ. Ибо и разумъ и совѣсть человѣческая требуютъ, чтобы довольствомъ, мощью физической и духовной пользовались лишь *правые*, чтобы *сила была всегда на сторонѣ права, а не наоборотъ*. Это должно быть, это будетъ, но пока этого нѣтъ. «На самомъ дѣлѣ, продолжаетъ Лассаль, Сила всегда идетъ впереди Права—идетъ до той поры, пока Право въ свою очередь не наберется достаточно силы, чтобы разнести въ прахъ силу безправія».

Ну, и отлично! Дѣла въ этомъ мірѣ идутъ, значитъ, не такъ ужъ плохо, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Бѣда не въ томъ, что сила создаетъ право, а въ томъ, что она до сихъ поръ была въ рукахъ не чистыхъ и потому порождала подобное себѣ *нечистое право*, точнѣе—*право меньшинства при полномъ безправіи громаднаго большинства.*

Пусть это приниженное, безправное большинство *поймет* *весь ужасъ своего положенія*, *пусть просвѣтитъ свой разумъ*, *окрѣпнетъ духомъ*, *сплотится воедино*, пусть, словомъ, станетъ оно грозною силой, и эта сила упразднитъ тогда силу безправія и на развалинахъ стараго порядка воздвигнетъ храмъ *новаго*, истинно-человѣческаго *права*. И тогда:

Блеснутъ повсюду надъ землей
Свобода, честность, правда, знанье
И трудъ высокій и святой.

Изсякнетъ самый источникъ зла, погибнетъ навсегда узаконенное насиліе,

И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

——— КОНЕЦЪ. ———

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА

В. ЛУНКЕВИЧА.

СЕРІЯ ВТОРАЯ:

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

1. Борцы за право и свободу въ Россіи. Часть первая. Съ 12 портретами. Ц. 30 коп. (Конфисковано).
3. Наши непорядки и чего добиваются лучшіе люди Россіи. Ц. 30 к. (Конфисковано).
4. Права человѣка и гражданина. Ц. 15 к.
8. По пути къ лучшему будущему. Выпускъ 3-ій: Реформа государственнаго хозяйства. Ц. 15 к.

Готовятся къ печати:

2. Борцы за право и свободу въ Россіи. Часть вторая.
5. Народное представительство и народоправство.
6. По пути къ лучшему будущему. Выпускъ 1-ый: Гражданская свобода и рабочій вопросъ.
7. По пути къ лучшему будущему. Выпускъ 2-ой: Реформа крестьянскаго хозяйства.
9. Право націи на самобытную жизнь.
10. Постоянная армія и народная милиція.
11. Борьба за свободу въ Англіи.
12. Борьба за право въ Германіи.
13. Герои и борцы «единой, независимой Италіи».
14. Двѣ трагедіи: 48-ой годъ во Франціи и парижская коммуна.
15. Борьба классовъ.
16. Городской пролетаріатъ и трудовое крестьянство.
17. Мечты и правда о царствѣ братства и справедливости на землѣ.
18. Трудовое государство.
19. Какъ дѣлается исторія?
20. Общество и личность.
21. Что хорошо и что дурно?
22. Въ чемъ счастье?

Главный складъ изданій Ф. Павленкова въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова. С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., д. 2.